

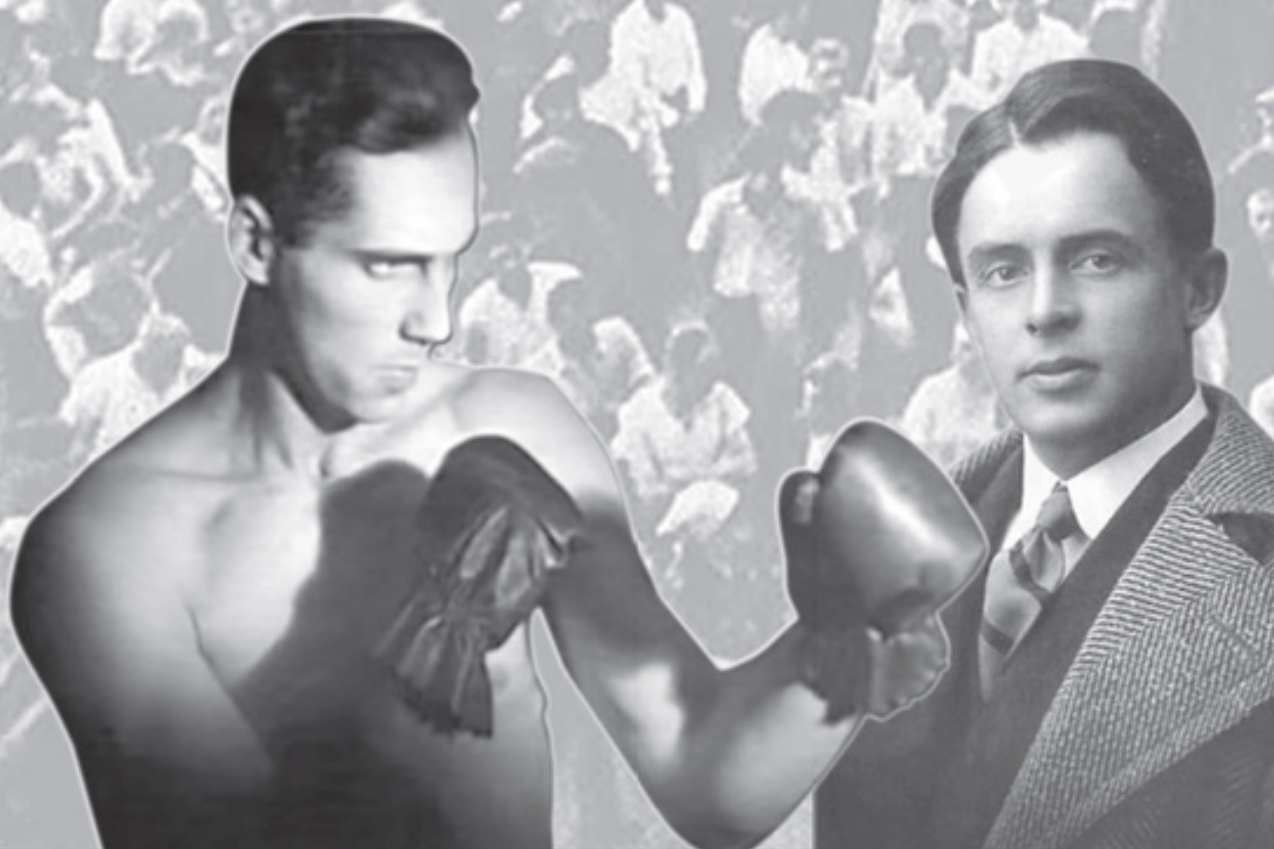
КНИГА

СТАЛИНЕ

Николай Лузан

Сталин. Операция «Ринг»

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Книга о Сталине

Николай Лузан

Сталин. Операция «Ринг»

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Лузан Н. Н.

Сталин. Операция «Ринг» / Н. Н. Лузан — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2015 — (Книга о Сталине)

ISBN 978-5-9907491-3-9

Книга «Сталин. Операция «Ринг» рассказывает о проведении «специального мероприятия» по ликвидации актера-предателя Всеволода Блюменталь-Тамарина, в начале войны перешедшего на сторону фашистов и начавшего активную антисоветскую пропаганду в эфире и на страницах профашистских газет. Советские спецслужбы решили уничтожить предателя. Исполнителем согласился стать племянник Блюменталь-Тамарина – чемпион Ленинграда по боксу Игорь Миклашевский. Как и все произведения ветерана органов безопасности полковника Н.Н. Лузана, книга основана на реальных событиях и документально подтвержденных фактах.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9907491-3-9

© Лузан Н. Н., 2015
© ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Лузан

Сталин. Операция «Ринг»

© Лузан Н.Н., 2015

© ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2016

Глава 1

2 февраля 1942 года в эфире зазвучал голос, хорошо знакомый советским вождям. Новоиспеченный борец с большевизмом, бывший заслуженный артист РСФСР, бывший руководитель Художественного театра имени Мочалова Всеволод Блюменталь-Тамарин, выступая на немецком радио, с праведным гневом обличал своих недавних покровителей: Сталина, Молотова, Калинина и других членов политбюро ЦК ВКП(б). Он не жалел слов, чтобы извалить их в грязи, а вместе с ними и социалистический строй. На обомлевшего слушателя обрушился не просто ушат словесных помоев, а водопад самых гнусных измышлений. В своих выступлениях предатель призывал их не поддерживать «кровавый режим палача Сталина» и переходить на сторону «несущей свободу и европейские культурные ценности армии Великой Германии», а население оккупированных территорий убеждал в необходимости «всемерного содействия установлению нового порядка на землях, освобожденных оттирании большевиков».

Столь невероятный нравственный и политический кульбит Блюменталь-Тамарина не могли представить не только его поклонники, но и коллеги по сцене. Всего полгода назад этот баловень судьбы и Мельпомены купался в лучах славы и пел оды советской власти и ее вождям. Впереди ему светили Сталинская премия и звание народного артиста СССР. Если бы не война.

Вооруженная до зубов и отмобилизованная в трехлетних войнах в Западной Европе и Северной Африке армада вермахта 22 июня 1941 года вероломно напала на СССР и в считанные недели смяла «несокрушимую и легендарную» Красную армию. Подобно гигантскому цунами, она погребла под собой Белоруссию и Украину, удушающей петлей блокады сомкнулась вокруг Ленинграда и устремилась к Москве. Казалось, еще одно усилие, и танковые клинья генерала Гудериана порвут в клочья обескровленные, измотанные в боях части Калининского, Западного фронтов и гитлеровские войска ворвутся в столицу.

В те роковые ноябрьские дни 1941 года для русских людей наступил момент истины: покориться или стоять насмерть. Одни – таких было подавляющее большинство – не стали пенять советским вождям на их ошибки и просчеты, а встали на защиту своей земли, другие – ничтожное меньшинство – переметнулись на сторону фашистов. Среди последних оказался и Блюменталь-Тамарин – презренный раб своего тщеславия и гордыни. Подтверждением тому являлась вся его прошлая жизнь.

Выросший среди богемы, славословившей царя и трон, он не слишком убивался по канувшему в небытие самодержавию. Нацепив на лацкан фрака красный бант, он перешел в услужение к новой – советской власти. Она снисходительно отнеслась к его прошлым монархическим панегирикам и предоставила не только театральные подмостки, но и сохранила за ним хуторок в окрестностях Харькова. В то время как над расхристанной Россией веяли вихри враждебные, а на ее бескрайних просторах лились реки крови, Блюменталь-Тамарин играл на сцене царя Эдипа, а после спектаклей на широкую ногу гулял в ресторанах.

Его роман с большевиками продлился чуть больше года. В июне в Харьков вступили части Добровольческой армии генерала Деникина. Сменив на лацкане фрака красный бант на георгиевскую ленту, Блюменталь-Тамарин снова в буквальном и переносном смысле оказался на коне. В тот день, когда по центральной улице города – Сумской в парадном строю прошли деникинцы, он поспешил засвидетельствовать им свою лояльность. В верноподданническом порыве, а скорее из страха за свой короткий роман с большевиками, ловкий лицедей развил бурную деятельность. В честь прихода освободителей от «жидо-большевистского ига» Блюменталь-Тамарин организовал грандиозный концерт в цирке. Этого ему показалось мало, и тогда верхом на белом коне, с огромным трехцветным флагом на пике и

большой церковной кружкой, притороченной к седлу, он принялся разъезжать по Харькову и собирать пожертвования для «истинных защитников Отечества».

Местная пресса взахлеб писала о «феерическом спектакле, устроенном великолепным и неподражаемым Блюменталь-Тамариным». Вскоре эта «феерия» ему аукнулась, да еще как. Под ударами Красной армии части генерала Деникина оставили Харьков и все дальше откатывались на юг России. В их обозе тащился Блюменталь-Тамарин. Волна исхода от советской власти прибила его к Одессе. Там ему стало не до спектаклей, дни белого движения были сочтены. Почувствовав, что запахло жареным, Блюменталь-Тамарин отринул Бога, царя, Отечество, белую гвардию и опять переметнулся к безбожникам-большевикам, но на этот раз попал не на сцену, а в подвал ЧК. Впереди его ждал суд скорый и, скорее всего, правый. За гораздо меньшие преступления, чем «феерический спектакль», организованный им в Харькове, чекисты ставили к стенке.

Но здесь свое слово сказала судьба в лице наркома просвещения Луначарского. Встав на защиту Блюменталь-Тамарина, он скорее руководствовался не гуманными, а сугубо практическими соображениями. Советская власть нуждалась в известных именах, которые бы придали светский блеск и смягчили бы суровый облик диктатуры пролетариата.

Блюменталь-Тамарин, а точнее, эта фамилия занимала далеко не последнее место в числе деятелей отечественной культуры и искусства. Его отец и мать были известными людьми в театральном мире. Сам он получил классическое образование – окончил Московское театральное училище, дальнейшую жизнь связал со сценой и с течением времени сделал себе имя. Оно было известно не только в России, но и за рубежом. Именно это обстоятельство и подвигло Луначарского снять палец чекиста с курка револьвера. На свободу Блюменталь-Тамарин вышел похудевшим, но не с волчьим билетом и, не мешкая, отправился под крыло своего покровителя – в Москву – завоевывать советские театральные подмостки.

В бурном послереволюционном времени Блюменталь-Тамарин чувствовал себя как рыба в мутной воде и быстро нашел не только теплое, но и сытное место в новой жизни. Благодаря связям среди вождей новой пролетарской культуры он быстро пробился в число приближенных к власти. Вскоре, обласканный ею, он получил причитающийся номенклатурный набор: служебную машину с водителем, персонального секретаря, шикарную госдачу в подмосковной Истре.

Славословие Блюменталь-Тамарина в адрес строителей социализма и вождя Сталина не осталось без внимания. В 1926 году он одним из первых деятелей культуры стал заслуженным артистом РСФСР. Постановление советского правительства о присвоении ему этого высокого звания зачитал со сцены сам нарком просвещения Луначарский. В тот день на торжественном вечере в честь Блюменталь-Тамарина пели великие Собинов, Нежданова и Обухова.

Обласканный властью, он купался в лучах всесоюзной славы. В то время когда большинство народа перебивалось с воды на квас, Блюменталь-Тамарин не стеснялся и жил на широкую ногу. Его современник Георгий Бахтаров вспоминал:

«...В 1931 году мне и двум моим товарищам по Реалистическому театру предложили принять участие в гастрольной поездке Всеволода Александровича Блюменталь-Тамарина в Тулу и Харьков. В Харькове за день до окончания гастролей он пригласил нас на ужин в шикарный ресторан на Сумской. В отдельном кабинете был накрыт стол на четыре персоны. До сих пор помню все эти невообразимые закуски: янтарную лососину с лимоном, анчоусы, белугу в белом вине, холодную индейку с каштанами, на горячее – котлеты «Маршал» (что-то фантастически вкусное из грудок рябчика, начиненных белыми грибами) и, наконец, десерт – клубника со взбитыми сливками.

Всеволод Александрович был в ударе, увлеченно рассказывал о своей молодости, вспоминал театральные легенды, читал Блока и Лермонтова. В какой-то момент на пороге кабинета появился незнакомый человек средних лет в очках. Он внимательно слушал стихи. Блюменталь-Тамарин, уже захмелевший, пригласил его к нашему столу. Незнакомец приблизился и сказал: «Я вчера видел вас в «Нине». Вы удивительный артист! И стихи читаете вдохновенно. А ведь в 1919 году в Одессе по решению подпольного обкома партии я должен был вас застрелить! И только случай помешал мне сделать это. Вас обвиняли в том, что вы предали Лизу В. Она погибла в контрразведке».

Блюменталь мгновенно протрезвел. «Это клевета и ложь! – сказал он. – Когда в город вошли красные, я был арестован и приговорен к расстрелу. Но приговор был обжалован, и дело прекращено за недоказанностью обвинения».

Хорошо начавшийся вечер был совершенно испорчен...»

Вечер действительно был испорчен, но этот темный эпизод из прошлой жизни Блюменталь-Тамарина не испортил ему жизни. Тень наркома Луначарского и благосклонность других советских руководителей ограждали его от НКВД. Он продолжал оставаться кумиром публики. Перед ним замаячили лавры звезды первой величины советской сцены, но вмешалась война. Она стала истинным мерилом гражданственности и нравственности. В ней, как в горниле, с души слетала окалина повседневности и обнажались в одних – нестигаемый стержень, в других – трухлявая гниль. Война сорвала с лицедея Блюменталь-Тамарина маску. Он трусливо бросил театр, актеров и вместе с женой, личной секретаршей, исполнявшей по совместительству роль любовницы, затаился на казенной даче в поселке Новый Иерусалим. Блюменталь-Тамарин надеялся, что нордические корни – по линии отца в его жилах текла немецкая кровь – позволят стать своим в алчной своре фашистов.

26 ноября 1961 года после ожесточенного боя передовой авангард гитлеровских войск ворвался в Истру. Вслед за ними в прорыв ринулись 10-я танковая и 252-я пехотная дивизии. Измотанные, обескровленные в непрерывных контратаках части генерала Белобородова вынуждены были отступить и занять позиции у Волоколамского шоссе. Они стояли насмерть, а в это самое время в Истре кучка отщепенцев хлебом-солью встречала оккупантов. В их числе находился Блюменталь-Тамарин. По всем правилам театрального искусства предатель разыграл перед командованием мотодивизии СС «Рейх» сцену, не уступающую гениальному перу Гомера и кисти великого Рембрандта. На фоне дымящихся руин Ново-Иерусалимского монастыря Блюменталь-Тамарин со слезами умиления на глазах и дрожью в голосе поведал немецким офицерам, что молил о том дне и часе, когда он – заблудший сын Великой Германии наконец соединится с исторической родиной и сможет послужить на берлинской сцене.

Первый концерт для захватчиков Блюменталь-Тамарин и такие же, как он, перевертыши: актер и директор театра Вахтангова Глазунов с женой – балериной Девольской, солисты Большого театра Жадан и Волков дали в оккупированной фашистами Истре. Им рукоплескали те, на чьих руках еще не высохла кровь безвинных жертв – жителей города – женщин, детей и стариков. А за стенами зала убитые горем истринцы слали в их адрес проклятия.

В Берлине в министерстве пропаганды к заявке-концерту и предложению Блюменталь-Тамарина «осчастливить» истинных арийцев своим присутствием отнеслись с прохладцей. У рупора фашистской пропаганды Геббельса артистические таланты предателя и его потуги доказать свое арийское происхождение вызывали лишь усмешку. Прежде чем дать роль на сцене берлинского театра, иуду заставили отрабатывать тридцать сребреников. От него потребовали насолить как можно больше советским вождям, а вместе с ними извлекать в грязи страну и ее народ. Блюменталь-Тамарин согласился. С его участием была

состряпана режиссура антисталинского, антисоветского спектакля. После репетиций и приема «спектакля» чиновниками из министерства пропаганды Блюменталь-Тамарина выпустили на пропагандистские подмости.

С февраля 1942 года его выступления в эфире стали регулярными: выходили каждый вторник и четверг в 18:00. Наряду с беспардонной ложью и клеветой в адрес Сталина и советской действительности он, подражая голосу вождя, от его имени зачитывал так называемые «указы» Совнаркома, внося смятение в умы людей и дезорганизуя работу ведомств и учреждений. Одновременно с этим в профашистских газетах, распространявшихся на оккупированных территориях, одна за другой появлялись статьи: «Блюменталь-Тамарин обличает палача Сталина», «То, что вы не знаете о Сталине», «25 лет советской каторги» и другие, а на позиции обороняющейся Красной армии кипами сыпались листовки с изображением довольного собой и жизнью русоволосого, вальяжного красавца-мужчины – Блюменталь-Тамарина. В них он, обращаясь к командирам и красноармейцам, живописал прелести «нового немецкого порядка», призывал сложить оружие и переходить на сторону «доблестного вермахта».

Все это переполнило чашу терпения советских вождей. 27 марта 1942 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело по существу, заочно вынесла предательню вердикт: «За измену Родине приговорить к смертной казни (заочно) бывшего руководителя художественного театра им. Мочалова В. Блюменталь-Тамарина».

Решение суда не остановило изменника. В своих радиопередачах, публикациях и листовках он исходил ядом к советским вождям, коммунистам и социалистическому настоящему страны. В конце концов, у Сталина лопнуло терпение.

Звонок руководителя личной канцелярии Сталина и Особого сектора ЦК ВКП(б) Александра Поскребышева застал наркома НКВД СССР Лаврентия Берия, когда тот собирался отправиться домой. Тон, каким Поскребышев сообщил о срочном вызове в Кремль, заставил его забыть не только об ужине, но и о сне. Сложив в папку последние донесения закордонных разведывательных резидентур, план будущей операции «Монастырь» по проникновению в гитлеровскую спецслужбу, Берия покинул кабинет на Лубянке, спустился к машине и выехал на встречу со Сталиным.

Ночная столица, несмотря на успешное наступление советских войск под Москвой, все еще напоминала осажденный город-крепость. Ее улицы щетинились противотанковыми ежами. Перекрестки бугрились опорными пулеметными точками. В скверах и парках, на зенитных батареях в постоянной готовности к бою продолжали нести дежурство расчеты. В небе, выстуженном февральским морозом, напоминая стадо огромных бизонов, зависли аэростаты. В просветах между ними проглядывала луна. Она призрачным светом заливала окрестности и придавала им сюрреалистический вид. К ночи мороз усилился. Воздух стал недвижим. В наступившей вязкой тишине были слышны только цокот копыт и стук каблучков конных и пеших патрулей.

Они расступались перед машиной с правительственными номерами. Водитель на мгновение приостанавливался и, предъявив спецпропуск, продолжал движение. Берия на это никак не реагировал, отсутствующим взглядом смотрел перед собой и ломал голову над тем, что послужило причиной для срочного вызова в Кремль. Не найдя ответа, он с тяжелым сердцем поднялся в подъезд, на входе в приемную сдал пистолет дежурному офицеру и вошел.

Навстречу ему из-за стола встал Поскребышев. Его невзрачный вид не мог ввести в заблуждение Берия. Опытнейший бюрократ – руководитель личной канцелярии Сталина и Особого сектора ЦК ВКП(б), он налету хватал мысли вождя. Сталин не раз в узком кругу подшучивал над Поскребышевым – «наш самый главный» – и был недалек от истины. Тот

действительно решал многое, но еще больше знал, что занимает Сталина и что тот намерен предпринять. Пожав руку Поскребышеву, Берия поинтересовался:

– Как настроение у Иосифа Виссарионовича, Александр Николаевич?

– Рабочее, Лаврентий Павлович, – уклончиво ответил Поскребышев и, быстро свернув разговор, сказал: – Проходите, он ждет вас.

Берия, бросив взгляд в зеркало, застегнул верхнюю пуговицу на кителе, открыл дверь и вошел в кабинет.

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!

Сталин ничего не ответил, тяжело поднялся из-за стола и ошарашил вопросом:

– Так, значит, кровавый палач и дни сочтены? Это что такое, Лаврентий?!

Берия изменился в лице и растерянно захлопал глазами.

– Молчишь, Лаврентий Павлович?

– Извините, Иосиф Виссарионович, я не понимаю вас.

– Он не понимает! – Сталин ожег его испепеляющим взглядом и процедил: – Ты радио слушаешь?

– Радио? Какое? – глаза Берии забегали.

– А такое! Вот читай! – Сталин швырнул на стол сводку последнего радиообращения Блюменталь-Тамарина.

Берия прошлепал к столу и склонился над ней. Через мгновение кровь схлынула с лица, а на лбу выступила обильная испарина. Перед его глазами заплескали строчки: «Блюменталь-Тамарин обличает кровавого палача Сталина и его сатрапов». Он пытался сосредоточиться, но буквы наползали одна на другую. У Сталина иссякло терпение наблюдать за его потугами, и он сорвался на крик:

– Лаврентий, когда перестанет гавкать этот пес Геббельса?

– Товарищ Сталин, наркомат делает все возможное, чтобы найти и покарать негодяя, – оправдывался Берия.

– Плохо ищите! До сих пор не знаете, где он прячется!

– Уже установили, товарищ Сталин. По нашим данным, негодяй скрывается в Кенигсберге, вероятно, в имении рейхскомиссара Коха.

– Вероятно? А точнее?

– В ближайшее время выясним.

– Поторопись, Лаврентий, Голиков и его разведуправление уже вышли на след мерзавца!

– От нас он не уйдет, товарищ Сталин! Под землей найдем гадину и раздавим! – заверил Берия.

– Ищите, а я посмотрю, чего вы с Голиковым стоите, – многозначительно заметил Сталин и, остыв, вернулся к столу, взял последнюю докладную Берии, во многих местах она была подчеркнута красным карандашом, и спросил:

– Лаврентий, вот ты предлагаешь не расстреливать германских агентов, а что это даст?

– Наркомат сможет использовать их в контригре с абвером. Через двурушников мы получим возможность проникать в осиные гнезда германской разведки.

– Игра с двурушниками – это как обоюдоострый кинжал, ты не боишься порезаться?

– Нет.

– Ладно, попытка – не пытка, – согласился Сталин.

Берия приободрился и решился еще на одну инициативу:

– Иосиф Виссарионович, а как вы отнесетесь к другому предложению?

– Какому?

– Я полагаю, что в борьбе с фашистами настал момент, когда наркомат должен перейти от обороны к нападению.

Сталин стрельнул в Берию испытующим взглядом и с сарказмом заметил:

– Что, Лаврентий, лавры Жукова не дают покоя?

– Нет, товарищ Сталин, мы с ним воюем на разных полях. На нашем не звучат победные фанфары...

Лицо Сталина затвердело, губы сложились в тугую складку, и он отрезал:

– У всех нас одно поле!

– Безусловно, Иосиф Виссарионович, я имел в виду...

– Так что ты хотел сказать о нападении? – перебил Сталин.

– Сейчас, одну минуту, – Берия открыл папку, достал документ, положил на стол и пояснил: – Это план операции «Монастырь». Его цель завязать с абвером оперативную игру и сковать его разведдеятельность в Москве.

– Монастырь, – повторил Сталин и, хмыкнув, заметил: – И кто же в нем будет замаливать грехи?

– Легендируемая нами глубоко законспирированная антисоветская церковно-монархическая организация.

– Лаврентий, ты повторяешься. Нечто подобное в 20-х годах проводил Дзержинский в отношении Савинкова. Если память мне не изменяет, операция называлась «Трест».

– Совершенно верно, Иосиф Виссарионович. Но новое это, как говорится, хорошо забытое старое.

– Поживем – увидим. Что представляет собой эта организация?

– Называется она «Престол». В нее входят бывшие монархисты, в прошлом близкие ко двору последнего русского императора.

– И что, такие еще остались?

– Да, но мало. В их окружение будут введены наши надежные агенты из числа офицеров Генштаба. Их задействование в операции в предварительном порядке согласовано с маршалом Шапошниковым.

– То есть «Престол» выступит в роли сыра в мышеловке для немецкой разведки?

– Совершенно верно, Иосиф Виссарионович.

– А что, может получиться перспективная операция, только с исполнителями не ошибись.

– С ними все в порядке! – заверил Берия и пояснил: – Кандидатура основного исполнителя будет своей среди монархистов, а по разведывательным возможностям вызовет несомненный интерес у абвера.

– Кто он?

– Проверенный в оперативных разработках агент Гейне.

– Многообещающий псевдоним.

– И не только по кличке, но и по уму и происхождению. Гейне потомок первого атамана кубанского казачества Головатого, сын выпускницы Бестужевских курсов и признанной красавицы Санкт-Петербурга, извините, Ленинграда. Внешне привлекателен и пользуется успехом у женщин.

– Лаврентий, сейчас не то время, чтобы порхать по светским салонам в Женеве или Стокгольме.

– Иосиф Виссарионович, этого Гейне не придется делать. Он известен фашистской разведке. Накануне войны сотрудник абвера, работавший под прикрытием торгового представительства Германии в Москве, выходил на него и прошупывал на предмет вербовки.

Сталин оживился, суровые складки на лице разгладились, и уточнил:

– Хорошо, а каким образом будет организован выход Гейне на немецкую разведку?

– Во время выезда на фронт, на том участке, где нашим частям грозит окружение, он перейдет к фашистам.

– В какой роли он предстанет перед ними?
– Представителя «Престола». И предложит спецслужбе Германии сотрудничество с организацией.
– А что, игра стоит свеч! – проявлял все больший интерес к операции Сталин и, подумав, предложил: – Лаврентий, есть смысл вывести операцию на стратегический уровень.
– В перспективе я на это рассчитываю.
– В таком случае, Лаврентий Павлович, мне остается пожелать тебе успеха.
– Он будет, Иосиф Виссарионович! – заверил Берия. – Если вы даете санкцию, то в ближайшие дни наркомат начнет операцию «Монастырь».
– Приступайте! – распорядился Сталин и, давая понять, что разговор окончен, передал ему докладную записку с предложением об использовании двойных агентов в операциях с германской разведкой.

Берия положил ее в папку и, попрощавшись, покинул кабинет. На Лубянку он возвращался в хорошем настроении. Гнев Сталина обошел его стороной. Более того, предложение по операции «Монастырь» получило поддержку и продемонстрировало способность наркомата к наступательным действиям на стратегическом уровне. Поднявшись к себе в кабинет, Берия распорядился вызвать на совещание руководителей недавно созданного 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД СССР и наиболее опытных командиров резидентур Медведева, Прокопюка и Ваупшасова.

В 23:20 они собрались в приемной. Среди крепко сбитых, по-спортивному подтянутых, лучившихся силой и энергией военных особо привлекал внимание начальник 4-го управления, старший майор государственной безопасности Павел Судоплатов. Среднего роста, ладно скроенный, с породистым лицом, на котором выделялись твердый подбородок, говоривший о сильной воле, и глаза с веселой живинкой, прятавшиеся за длинными ресницами.

За свои 36 лет он пережил столько и прошел через то, на что не хватило бы и десятка обыкновенных человеческих жизней. В далеком 1919 году, прочитав от корки до корки «Азбуку революции», написанную Николаем Бухариным, двенадцатилетний Павел покинул дом, присоединился к бойцам 1-го Мелитопольского рабоче-крестьянского полка и вместе с ними прошел через все испытания гражданской войны. После ее окончания возвратился домой и стоварищами-комсомольцами занимался ликвидацией неграмотности среди населения, агитировал за новую власть, боролся с вылазками бандитско-националистического подполья. В феврале 1925 года по рекомендации комитета комсомола его направили на службу в контрразведку. Вместе с ней он становился на ноги и мужал.

1930 году уже зрелый оперативный работник Судоплатов вместо повышения по службе получил неожиданное назначение – стал заведующим культурно-воспитательной части, а через некоторое время – комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ Украины для малолетних преступников и беспризорников. Ребята, лишенные детства, потянулись к нему, и не потому, что большую часть своей зарплаты Павел отдавал на их нужды. Немало хлебнувший своего и чужого горя, он знал, как найти дорогу к сердцу человека, пусть даже и преступника.

В 1935 году в его судьбе и службе произошел очередной, полный смертельного риска поворот. Выполняя разведывательное задание, он внедрился в нелегальную структуру одной из самых зловещих антисоветских организаций – ОУН. Прирожденный разведчик, человек незаурядного ума, Судоплатов за два года работы в украинском националистическом подполье вырос до личного «проводника» главаря оуновцев – Евгена Коновальца. И, когда пришло время, по личному заданию Сталина ликвидировал его. 23 мая 1938 года на очередной явке с Коновальцем, проходившей в Роттердаме в ресторане «Атлант», Судоплатов привел в действие хитроумное взрывное устройство. Взрыв разорвал в клочья непримиримого врага советской власти.

По возвращении на родину Судоплатова ждали представления к назначению на вышестоящую должность и к награждению орденом Красного Знамени. Но он не получил ни того, ни другого, а попал под косу репрессий. Те, кто посылал его на задание, – Шпигельглас и Пассов – оказались жертвами очередной охоты на ведьм, затеянной советскими вождями. Вместо борьбы с действительными врагами система государственной безопасности пожирала сама себя. На служебных и партийных собраниях сотрудники занимались самобичеванием и каялись в том, что просмотрели рядом собой «врагов народа и перерожденцев».

23 ноября 1938 года расстрельная очередь дошла до Судоплатова. Завистники-коллеги припомнили ему, что он находился в дружеских отношениях с Пассовым, был у него на даче, что из-за границы приехал в дорогом костюме, а в стенной газете мало критиковал «врагов народа». Одного этого хватило, чтобы забыть о прошлых заслугах Судоплатова. Представления к назначению на вышестоящую должность и награждению орденом Красного Знамени были похерены. Партийное собрание, на котором бывшие подчиненные клеймили бывшего начальника – «врага народа Пассова», закончилось тем, что Судоплатова исключили из партии, после чего, как правило, следовал арест. Спас его от репрессий приход на Лубянку нового наркома – Берии. Сам профессионал, он оценил бесспорный талант Судоплатова как непревзойденного мастера специальных операций, вернул в боевой строй и стал поручать наиболее ответственные задания.

Самое важное из них исходило от Сталина и было связано с ликвидацией его давнего идейного и личного врага – Льва Троцкого. То, что в течение многих лет не смогли сделать предшественники Судоплатова – руководители советской разведки – Шпигельглас и Пассов, ему и его подчиненным, несмотря на, казалось бы, непреодолимые препятствия, удалось выполнить. Многоходовая операция по уничтожению Троцкого, получившая кодовое название «Утка», 20 мая 1940 года была доведена до конца. Ледоруб советского агента-боевика Рамона Меркадера раскроил череп Троцкого.

Спустя год, 5 июля 1941 года, Судоплатов получил новое и ответственное назначение – он возглавил Особую группу при наркome НКВД СССР, в последующем 4-е управление. На них возлагались задачи по проведению разведки, диверсий и террористических актов на оккупированной фашистами территории, а также выполнение специальных заданий советского правительства. При вступлении в должность Судоплатов первым делом озабочился не кабинетом, а судьбой бывших своих соратников – тех, кто отбывал незаслуженное наказание в лагерях ГУЛАГа или имел отсроченные смертные приговоры.

Не побоявшись обвинений в связях с «врагами народа», он обратился с личным письмом к «всесоюзному старосте» – председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Калинин. В нем он доказывал абсурдность обвинений, выдвинутых против боевых соратников, и ходатайствовал об их освобождении. И они были возвращены в боевой строй – но не по милости советских вождей. Война, как шелуху, смела с будущих руководителей и разведчиков разведывательно-диверсионных резидентур 4-го управления сфабрикованные обвинения в «предательстве» и отменила «драконовские» приговоры. Она востребовала не холуйствующих политиканов, а профессионалов своего дела. И они подтвердили преданность суровой Родине делами в дни обороны Москвы.

Судоплатов и его подчиненные не допустили прорыва в столицу особой ударной разведывательно-диверсионной группы «Москва». Ее костяк составляли не просто профессионалы, а лучшие из лучших, каких на то время имели спецслужбы Германии. Возглавлял их не кто иной, как признанный ас спецопераций, начальник 7-го управления РСХА, штандартенфюрер Зикс. На подступах к столице, перед Шереметьево, у моста через Москву-реку сошлись не на жизнь, а на смерть две силы. Исход схватки решили мужество, самоотверженность и высочайший профессионализм подчиненных Судоплатова. После многочасового ожесточенного боя группа Зикса перестала существовать.

К декабрю 1941 года на счету подчиненных Судоплатова были десятки нейтрализованных разведывательно-диверсионных групп абвера, а за линией фронта проведены сотни оперативно-боевых операций. О ряде из них, в частности, об осуществленной разведывательно-диверсионным отрядом старшего лейтенанта Виктора Карасева нарком Берия лично доложил Сталину. Такого рода операцию НКВД провел впервые.

Глубокой осенью 1941 года 300 человек под командованием Карасева перешли линию фронта. 24 ноября они рассредоточились у позиций 12-го армейского корпуса фашистов, располагавшегося в населенном пункте Угодский Завод Калужской области. После тщательной разведки Карасев в деталях спланировал операцию. В результате последующей молниеносной атаки за 1 час и 10 минут было уничтожено свыше 600 фашистов, 4 танка, 80 грузовиков и захвачены важные секретные документы. Собственные потери отряда Карасева составили 18 человек убитыми и 8 ранеными.

Под стать Судоплатову и Карасеву были заместитель руководителя Особой группы управления старший майор государственной безопасности Наум Эйтингон и командиры разведывательно-диверсионных резидентур Дмитрий Медведев, Николай Прокопюк, Станислав Ваупшасов и другие.

За плечами Эйтингона, бессменного заместителя и близкого друга Судоплатова, были ликвидация бандитского подполья в Белоруссии, Башкирии и свыше 20 лет работы в разведке, из которых в общей сложности около 14 лет он провел на нелегальном положении за границей. В полной мере его талант как мастера специальных операций раскрылся во время гражданской войны в Испании, где он вместе с Медведевым, Прокопюком и Ваупшасовым провел десятки успешных разведывательно-диверсионных акций против войск диктатора Франко. Особое место в послужном списке Эйтингона занимала операция «Утка», связанная с ликвидацией Троцкого. В далекой Мексике, где тот прятался от летучих групп НКВД за, казалось бы, неприступной стеной многоуровневой системы безопасности, изобретательный ум Эйтингона нашел в ней лазейку и заставил навсегда замолчать личного врага Сталина.

Внезапный вызов наркома к вождю, после которого тот назначил совещание, навел многоопытного Эйтингона на мысль, что перед управлением будет поставлена очередная сверхзадача. Подтверждение тому он искал в глазах Судоплатова. На его немой вопрос тот пожал плечами и кивнул на дверь кабинета Берии. Она открылась, в приемную вышел заместитель наркома комиссар госбезопасности 3-го ранга Сергей Круглов. На его лице были заметны следы озабоченности. Торопливо кивнув присутствующим, он, не задержавшись, стремительным шагом направился к себе. Это только подогрело интерес Судоплатова и его подчиненных к предстоящей встрече с наркомом. Он бросил нетерпеливый взгляд на помощника. Тот коротко обронил:

– Проходите, товарищи!

Офицеры вошли в кабинет наркома и стали в шеренгу на входе. Берия поднялся им навстречу и, поздоровавшись, предложил занять места за столом заседаний. Пробежавшись испытующим взглядом по лицам лучших из лучших, он без раскачки начал совещание:

– Павел Анатольевич, на каком этапе находится подготовка разведывательно-диверсионных резидентур «Митя», «Олимп» и «Местные»?

Судоплатов встал из-за стола, расправил складки гимнастерки под ремнем и приступил к докладу:

– Товарищ нарком...

– Докладывай с места, Павел Анатольевич! – остановил его Берия.

Судоплатов присел на стул и продолжил:

– Все три РДР укомплектованы личным составом и прошли полную подготовку. Вопросы обеспечения оружием, боеприпасами, средствами связи и продовольствием согласованы с соответствующими службами.

– Нерешенные вопросы остались? – уточнил Берия.

– Никак нет.

– С операционными базами РДР определились?

– Так точно, товарищ нарком. Для РДР «Митя» товарища Медведева – город Ровно. Для РДР «Олимп» товарища Карасева – город Овруч. Для РДР «Местные» товарища Ваупшасова – город Минск.

– Так не пойдет, Павел Анатольевич! – отверг Берия. – В городах рано или поздно РДР попадают под прицел гестапо и тайной полевой полиции. Провалы резидентур в Одессе и Киеве тому подтверждение. Поэтому операционные базы надо размещать в труднодоступной местности.

– Извините, товарищ нарком, я неточно выразился, здесь имелись в виду окрестности этих городов, – пояснил Судоплатов.

– Другое дело, – удовлетворился Берия и обратился к командиру РДР «Местные». – Товарищ майор, насколько вам знакомы оперативная обстановка и местность в Белоруссии и Польше?

– Достаточно хорошо, чтобы с ходу развернуть работу резидентуры, товарищ нарком. Я два года находился на нелегальной работе в Польше, а затем пять лет служил в Белоруссии! – доложил Ваупшасов.

– Меня в первую очередь интересуют районы, прилегающие к Восточной Пруссии.

– Они мне также хорошо знакомы, товарищ нарком.

– То есть вы знаете местность и имеете связи среди населения?

– Местность помню, не заблужусь, а что касается связей, то не могу ручаться, война все смешала.

– То, что не заблудитесь, уже хорошо, – произнес Берия и задумался.

Взгляды Судоплатова, Эйтингона и командиров РДР сошлись на нарcome. Его интерес к Восточной Пруссии был не случаен и говорил о том, что в задание РДР «Местные» будут внесены изменения. И они не ошиблись в своих предположениях. Берия перевел взгляд с Ваупшасова на Судоплатова и потребовал:

– Павел Анатольевич, в задачу РДР товарища Ваупшасова необходимо внести серьезные коррективы. Основные усилия резидентуры должны быть сосредоточены на Кенигсберге.

– Есть внести изменения, товарищ нарком! – принял к исполнению Судоплатов.

– Дополнительно усильте группу товарища Ваупшасова тремя-четырьмя наиболее подготовленными сотрудниками – боевиками из состава РДР «Митя» и «Олимп», имеющими опыт проведения терактов.

– Есть! Разрешите уточнить задачу РДР «Местные», товарищ нарком?

– Ее вам доведет товарищ Круглов.

– Понял.

– Все свободны, Павел Анатольевич и товарищ Эйтингон, оставайтесь! – распорядился Берия.

Медведев, Прокопюк и Ваупшасов покинули кабинет. Берия подождал, когда за ними закроется дверь, и обратился к Судоплатову.

– Павел Анатольевич, на какой стадии находится подготовка операции «Монастырь»?

– На завершающей.

– А конкретно?

– С Гейне в деталях отработана линия поведения при выходе на немецкое командование и сотрудников абвера. В задание, с учетом последнего вашего указания, внесены изменения. Определены два человека из числа офицеров Генштаба, на которых Гейне даст наводки для германской разведки.

– Насколько они надежны и подготовлены? – уточнил Берия.

– На них можно полностью положиться. Товарищ Эйтингон лично занимался ими.

– Оба являются нашими агентами. Белов сотрудничает с апреля 1939 года, Друг – с октября 1940 года. Тот и другой привлекались к выполнению ответственных заданий и успешно с ними справились, – доложил Эйтингон.

– Каким образом задействованы в операции остальные участники группы «Престол»? – продолжил опрос Берия.

– С генералом Залевским и полковником Дубновым установлены доверительные отношения. Конечной цели и роли в ней Гейне они не знают. Остальные участники группы – Глебов, Садовский, Сидоров и другие участники организации – используются нами втемную, – пояснил Судоплатов.

– Кроме того, чтобы не допустить взаимной расшифровки, они разбиты на тройки. Только их руководители знают о Гейне, – дополнил Эйтингон.

– Сложная получается партитура игры, как бы нам не сфальшивить, – высказал опасение Берия.

– Риск, конечно, есть, – согласился Судоплатов и заверил: – Но мы постараемся его минимизировать.

– Будем надеяться. Кто, кроме вас, посвящен в замысел операции?

– В полном объеме только майор Ильин и майор Маклярский. Они, собственно, занимались разработкой ее замысла.

– И достаточно, больше никого не привлекать!

– Есть! – принял к исполнению Судоплатов.

– С «окном» определились?

– Да. На участке Калининского фронта.

– То есть, Павел Анатольевич, ты хочешь сказать: все готово для того, чтобы начать операцию?

– Так точно, Лаврентий Павлович, прошу вашей санкции! – подтвердил Судоплатов и положил перед ним план операции «Монастырь».

Берия взял синий карандаш и склонился над документом. Эйтингон с Судоплатовым напряглись и внимательно наблюдали за наркомом. Его скрупулезность в рассмотрении материалов и выверенность в решениях были общеизвестны. И на этот раз он самым внимательным образом вникал в каждый пункт мероприятий плана. По тексту и на полях возникали короткие пометки, но они не меняли существа операции. Судоплатов и Эйтингон с облегчением вздохнули, когда Берия на первом листе размашисто написал: «Санкционирую» и затем расписался. Отложив документ в сторону, он вернулся к заданию для РДР «Местные» и коротко пояснил его особенность:

– Товарищи, наряду с проведением разведывательно-диверсионной деятельности, на резидентуру «Местные» возлагается еще одна задача, особой государственной важности, – привести в исполнение приговор в отношении изменника Блюменталь-Тамарина.

Судоплатов переглянулся с Эйтингоном и решился спросить:

– Разрешите уточнить, товарищ нарком, это приказ товарища Сталина?

– А что это меняет, Павел Анатольевич? – вопросом на вопрос ответил Берия.

– Извините, товарищ нарком, приказ будет выполнен.

– Действуйте, я жду результата! – закончил совещание Берия.

– Есть! – в один голос произнесли Судоплатов с Эйтингоном и покинули кабинет.

В оставшиеся до вылета РДР «Местные» на задание дни им вместе с Ваупшасовым пришлось в спешном порядке заниматься разработкой замысла ликвидации Блюменталь-Тамарина. В окончательном варианте он был утвержден заместителем наркома НКВД комиссаром госбезопасности 3-го ранга Кругловым. 12 апреля 1942 года с секретного подмосковного аэродрома, где базировалась особая эскадрилья наркома НКВД СССР, взлетел самолет, на его борту находились 20 бойцов, и взял курс на запад. Через полтора часа они находились в районе десантирования. Внизу, под крылом, на многие километры раскинулся густой лес.

Первым поднялся и шагнул навстречу неизвестности будущий Герой Советского Союза, будущий полковник Ваупшасов. Упругая струя воздуха стеганула по лицу, он набычился и, пружинисто оттолкнувшись от пола, нырнул в темную бездну. Прошло несколько минут, и 25 блеклых «тюльпанов» распустились в ночном небе. Экипаж самолета зашел на второй круг и, сбросив боеприпасы, взрывчатку, продовольствие, взял курс на восток.

Приземлившись, Ваупшасов и его бойцы быстро собрали груз и поспешили уйти вглубь леса. С приближением рассвета они стали на привал. Наступивший день не преподнес им сюрпризов. Высадка советского десанта в глубоком тылу стала полной неожиданностью для фашистов и осталась незамеченной. С наступлением вечерних сумерек отряд продолжил движение и на рассвете вышел к границе с Восточной Пруссией. Эти места были хорошо знакомы Ваупшасову по прошлой довоенной службе, и ему не составило труда найти подходящее место для базы РДР. Два дня у разведчиков ушли на ее обустройство и изучение местности. Их появление по-прежнему оставалось незамеченным фашистами, и Ваупшасов посчитал, что настало время для выполнения основной части задания – операции по ликвидации Блюменталь-Тамарина.

17 апреля группа из семи опытных разведчиков-боевиков – в нее входили русские, поляки и немцы-антифашисты – под командованием старшего лейтенанта Арнольда Лаубэ отправилась в Кенигсберг, где мог скрываться Блюменталь-Тамарин. Для Ваупшасова в Белоруссии и Судоплатова в далекой Москве потянулись часы и дни томительного ожидания. 19 апреля на связь с базой РДР «Местные» вышел радист Функ и сообщил: «Группа попала в засаду, ведем бой». После этого связь оборвалась.

Ваупшасов не стал медлить и, чтобы избежать полного провала, оставил на базе двух разведчиков, а сам сменил место дислокации РДР. Спустя четыре дня они присоединились к основной группе. Вместе с ними пришли Лаубэ, Функ и Арапов. Их доклад посеял уныние у Ваупшасова. Документы прикрытия, изготовленные для разведчиков в Москве, не выдержали первой серьезной проверки. Об этом он доложил в Центр и подтвердил готовность повторить попытку ликвидировать Блюменталь-Тамарина.

Его доклад вызвал горечь и досаду у Судоплатова, но не породил уныния. Приостановив свой приказ Ваупшасову в отношении Блюменталь-Тамарина, он занялся тем, что стал искать другие пути, как выполнить задание Сталина. Прошлый, в том числе и личный, опыт участия в ликвидации Троцкого, Коновальца и других врагов советской власти, говорил: проникнуть сквозь систему охраны, подобную той, что окружала Блюменталь-Тамарина, под силу только отчаянно смелому исполнителю-одиночке, пользующемуся у предателя полным доверием. И здесь Судоплатов рассчитывал на помощь коллеги – майора государственной безопасности, начальника 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР Виктора Ильина. Тот до войны занимался контрразведывательной работой в среде творческой интеллигенции, лично знал Блюменталь-Тамарина и круг его связей. В их числе он назвал племянника жены предателя – Игоря Миклашевского, находившегося в осажденном Ленинграде.

Дальнейшую проверку Миклашевского и других связей Блюменталь-Тамарина Судоплатов поручил своему подчиненному – заместителю начальника 2-го отдела 4-го управления НКВД СССР капитану Исидору (Михаилу) Маклярскому. Несмотря на трудности, свя-

занные с войной, система органов госбезопасности работала почти без сбоев. Сбор данных и проверка кандидатов на роль ликвидатора предателя заняли полторы недели. По ее результатам Маклярский остановил свой выбор на начальнике 189-й прожекторной станции зенитно-артиллерийского полка Ленинградского фронта сержанте Игоре Львовиче Миклашевском.

В его пользу говорили независимый бойцовский характер, что он не раз доказал на ринге, и резко отрицательное отношение к дяде. На комсомольском собрании подразделения Миклашевский не просто осудил измену Блюменталь-Тамарина, но и заявил, что готов «не дрогнувшей рукой прикончить предателя». Но одно дело – говорить и другое – сделать. Окончательный ответ о готовности Миклашевского рискнуть своей жизнью и выполнить задание Сталина могла дать только его боевая проверка. Ее проведение Судоплатов возложил на Маклярского. 28 апреля 1942 года он и Ильин специальным рейсом вылетели в осажденный Ленинград.

Глава 2

Плотные облака, казалось, стелились над самой землей, и в них, словно в вате, тонул надсадный гул моторов крадущегося в крошечной темноте военно-транспортного «Дугласа». Справа осталась Вологда, и экипаж взял курс на осажденный фашистами Ленинград. О приближении к линии фронта напоминали полыхающие тут и там пожарища. В багровых отблесках пламени противотанковые рвы и траншеи, покрывавшие гигантской паутиной землю, напоминали рубцы и шрамы.

Внезапно самолет резко накренился на левое крыло. Надсадно взвыли двигатели. Тревожная волна прокатилась по салону. Ильин и Маклярский прикинули к иллюминаторам. За бортом в тусклом свете луны промелькнули хищные силуэты мессершмитов. Опытный пилот «Дугласа», уходя от них, заложил крутой вираж и увел машину в облака. Маневр позволил избежать боя с численно превосходящим противником.

Маклярский с облегчением откинулся к борту, закрыл глаза, и свинцовая усталость погрузила его в глубокий сон. Ему снилась Одесса. Под ярким южным солнцем бесконечная морская даль переливалась жарким серебром и слепила глаза. Игривая черноморская волна нежно ласкала ноги и рисовала замысловатые рисунки на знаменитых песчаных пляжах Лузановки. Легкий ветерок доносил терпкий запах полыни и кружил голову. Знойное море окутало красавицу Одессу. Она утратила привычные очертания и напоминала сказочно-фантастические миражи, так ярко описанные на страницах книг Александра Грина.

Сладостное томление согрело душу Маклярского. Перед ним, как наяву, возникли знаменитая Дерibasовская, величественная Потемкинская лестница, Приморский бульвар с памятником основателю города, потомку знаменитого французского кардинала Ришелье – Дюку де Ришелье и разноголосый, разноликий Привоз, где с раннего утра и до позднего вечера шла бойкая торговля и где рождались знаменитые одесские анекдоты. Но милее всего сердцу Маклярского был уютный, тенистый дворик в районе Молдаванки. В нем прошли его детство и юность, согретые теплом бескорыстной дружбы и овеванные ветрами революционной романтики.

Дух творчества и неистребимого оптимизма, который, казалось, витал в самом воздухе Одессы, питал страстную тягу Маклярского к новому и неизведанному. Работая учеником переплетчика, электриком, затем курьером библиотеки клуба «Роза Люксембург», он раз и навсегда полюбил книги. Они стали его неизменными спутниками на всю жизнь и предопределили неожиданный поворот в судьбе.

Спустя много лет, уволившись со службы, Маклярский нашел себя в такой совершенно далекой для чекиста сфере деятельности, как киноискусство. Он стал одним из самых востребованных сценаристов. Из-под его талантливого пера вышли сценарии к кинофильмам «Подвиг разведчика», «Секретные миссии», «Ночной патруль», «Выстрел в тумане», «Заговор послов», «Инспектор уголовного розыска», «Агент секретной службы». Дважды он становился лауреатом Сталинской премии 1-й и 2-й степеней.

Этот жизненный и творческий успех Маклярского предопределила революция. В Одессу она ворвалась подобно бурному весеннему половодью и выплеснулась на улицы и площади многотысячными митингами и демонстрациями. Бунтарский, дерзкий дух революции пьянил и кружил головы не только юным, но и тем, кто задыхался в затхлом воздухе сгнившего на корню самодержавия. Революция без остатка захватила Маклярского и изменила его жизнь и жизнь тысяч юношей и девушек с рабочих окраин Одессы.

Еврей, сын портного, для которого самодержавие определило место за «чертой оседлости», он был обречен чахнуть в подвале портняжной мастерской и, в конце концов, умереть от туберкулеза, как это произошло с его отцом и матерью. Новая советская власть, освящен-

ная такими притягательными для юных умов словами, как «свобода», «равенство» и «братство», вырвала их – безродных и бесправных юношей и девушек из мрачных трущоб – из беспросветной нищеты и невежества. Она широко распахнула перед ними двери школ, рабфаков и предложила захватывающе притягательную идею построить общество всеобщего счастья и благоденствия. И они с юношеским пылом безоглядно отдались ей.

В их числе был и Маклярский. Днем он работал, по вечерам учился в профсоюзной школе, а по воскресеньям вместе со сверстниками-комсомольцами мотался по селам, просвещал крестьян и агитировал за советскую власть. На образованного, энергичного и деятельного паренька обратили внимание чекисты и в июне 1927 года пригласили к себе. Поступив на службу в органы госбезопасности, Маклярский не стал довольствоваться кожанкой, наганом и огромной властью, которую давали его должности: помощника уполномоченного ИНФО ГПУ, оперуполномоченного 4-го отделения Особого отдела ОГПУ СССР, помощника начальника 6-го отделения Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, помощника начальника особого отделения аппарата по внутренней охране Кремля, а с прежним упорством продолжал работать над собой.

И где бы Маклярский ни находился, с присущими ему энергией и настойчивостью осваивал новые специфические участки деятельности и одновременно занимался своим образованием. Наряду с учебой в юридическом институте он получил фундаментальную техническую подготовку на химико-технологическом факультете. Энциклопедические знания и творческий подход к делу обеспечивали ему успех в, казалось бы, самых безнадежных оперативных разработках. И не просто успех, их результаты не раз докладывались на самый верх – наркому. Именно они, а не близость Маклярского к начальству обеспечили блестящую карьеру в органах госбезопасности.

Открытый, доброжелательный в общении, не лезущий за острым словом в карман, он, для тех, кто его близко не знал, представлялся эдаким баловнем судьбы. Но это только казалось. Яркие, неординарные, со своим мнением люди в то суровое время были обречены стать жертвами репрессий. Эту горькую чашу Маклярский испил до дна. В тот самый час 1 мая 1937 года, когда ликующие толпы москвичей и гостей столицы шли перед трибунами мавзолея Ленина и восторженными возгласами приветствовали советских вождей, Маклярского арестовали прямо на рабочем месте. Его обвинили в связях с террористической организацией на канале «Москва-Волга» и заключили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Три месяца он подвергался допросам, но, несмотря на все ухищрения следователей-палачей, им так и не удалось добиться от Маклярского признательных показаний. Дело, наспех шитое белыми нитками, развалилось. 10 августа 1937 года он вышел на свободу, но еще долго тень «врага народа» преследовала его.

С приходом в НКВД на должность наркома Берии в судьбе Маклярского и сотен других сотрудников, кто не умер в тюрьмах, на пересылках и в лагерях, произошел резкий поворот. Их реабилитировали, тех, у кого сохранилось здоровье, вернули в боевой строй. 22 сентября 1939 года Маклярского восстановили на службе и назначили начальником 2-го отдела управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В этой должности он не задержался. На Лубянке еще оставались руководители, избежавшие репрессий и помнившие о нем как о способном агентуристе-разработчике. 18 декабря 1940 года Маклярского перевели на должность старшего оперуполномоченного 4-го отделения 2-го отдела управления, занимавшегося борьбой со шпионажем. Войну он встретил начальником 2-го отделения 2-го отдела НКВД СССР, с 18 января 1942 года – 4-го управления.

В сложной военной обстановке в полной мере раскрылся талант Миклашевского как мастера-контрразведчика. Ему одному из первых пришла в голову остроумная идея с помощью легендированной антисоветской подпольной организации «Престол» и агента Гейне завязать с абвером стратегическую оперативную игру. Поэтому, направляя Маклярского в

Ленинград, Судоплатов рассчитывал на то, что и на этот раз опыт и профессиональная интуиция не подведут его – Миклашевский окажется тем, кому будет по силам выполнить задание Сталина...

Резкий толчок вырвал Маклярского из сна. Пол ушел из-под ног, он ухватился за страховочный ремень и прильнул к иллюминатору. За бортом сгустилась кромешная мгла. С Балтийского моря волнами напал туман. Экипаж чудом определил, что самолет находится в районе полевого аэродрома, и зашел на посадку. На земле услышали звук моторов, и через мгновение внизу запылали костры. Тусклая огненная стрела проступила в чернильной темноте апрельской ночи.

«Дуглас» резко нырнул вниз и, едва не зацепившись шасси за крыши домов, плюхнулся на землю. Корпус содрогался от бешеной тряски. Маклярского и Ильина швыряло из стороны в сторону. Они вцепились в страховочные ремни и сжались в комок. Казалось, что вот-вот, и самолет развалится на части, но опытные пилоты быстро погасили скорость и свернули на стоянку. Двигатель в последний раз устало всхлипнул и затих. Лопасты винтов, по инерции несколько секунд покромсав воздух, бессильно обвисли.

Общий вздох облегчения прозвучал в салоне. Из хвоста «Дугласа» показался бортстрелок, проскочил к двери, распахнул ее настежь и опустил трап на землю. Струя свежего воздуха, в котором смешались запахи керосина и молодой зелени, ворвалась в салон и вызвала оживление среди пассажиров. Первыми на выход потянулись офицеры Генштаба, за ними последовали Ильин и Маклярский. У трапа их встретил худощавый капитан со знаками отличия сотрудника госбезопасности. В отблесках костров его исхудавшее лицо напоминало пергаментную маску, блокада сказывалась не только на мирных жителях, но и на военных.

– Капитан Самойлов, старший оперуполномоченный 2-го отделения особого отдела Ленинградского фронта, – представился он.

– Майор Ильин, начальник 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР. Капитан Маклярский, заместитель начальника 2-го отдела 4-го управления НКВД СССР, – отрекомендовались они.

– Как обстановка, товарищ капитан? – поинтересовался Ильин.

– Тяжелая, но держимся. Вчера отбили очередную атаку фрицев на Пулковских высотах, – доложил Самойлов.

– Ну ничего, недолго им осталось атаковать. Всыпали под Москвой, всыпим и под Ленинградом! – без тени сомнений заявил Ильин и поторопил: – Ну что, поехали, машина где?

– Здесь, недалеко. Следуйте за мной, только под ноги смотрите. После последней бомбежки сам черт ногу сломит, – предупредил Самойлов и шагнул к провалу в стене. Ильин и Маклярский последовали за ним. Стоянка машин находилась в двух сотнях метров, в капонирах, отрытом в земле, сверху от вражеской авиации ее закрывала маскировочная сетка. По дороге к ней Самойлов не удержался и спросил:

– Как у вас в Москве, по-прежнему бомбят?

– Отбомбились. С марта фрицы носа не показывают, – развеял его тревогу Ильин.

– А у нас дня не проходит, чтобы не было налета. Вам повезло, ночь прошла спокойно.

– Будем надеяться, что и дальше повезет, – добродушно произнес Маклярский и поинтересовался: – Тебя как звать?

– Михаил, – ответил Самойлов.

– Меня тоже, выходит, тезки.

– Выходит так, – обронил Самойлов и, помявшись, обратился к Ильину: – Товарищ майор, а что в Москве слышно про наше наступление?

– Будет наступление, Миша! Обязательно будет! Погоним фрица до самого его логова, до Берлина, – заверил тот.

– Скорее бы, а то не вмоготу. От голода померло жуть сколько. Дети, старики, сил нет смотреть.

– Война, Миша, но ничего, сдюжим.

– Оно, конечно, так, но скорее бы.

– К лету наберем силенок и ударим... Зараза! – чертыхнулся Ильин.

Маклярский успел его подхватить и не дать свалиться в воронку. Проклиная фашистов, они добрались до машины. Встретил их разбитной водитель, перехватил увесистые вещмешки с продуктами, сложил в багажник и сел за руль. В густой пелене тумана он каким-то чудом находил дорогу. На подъезде к городу она улучшилась. С севера подул порывистый, не по-весеннему холодный ветер, и в кисельной пелене образовались проплешины. В них проглядывали блеклая россыпь звезд и тусклый диск унылой луны. Водитель прибавил скорость. По сторонам, сливаясь в безликую, безжизненную стену, потянулись окраины Ленинграда.

Прошло несколько минут, и горизонт на востоке окрасила бледно-розовая полоска. Хмурый рассвет занялся над осажденным городом, больше напоминавшим каменно-бетонный призрак. Серые коробки зданий потерянно смотрели гноящимися после пожаров глазницами-окнами на заваленные обломками кирпича и изрытые уродливыми оспинами от разрывов артиллерийских снарядов и авиабомб улицы и проспекты. Повсюду виднелись горы мусора. В воздухе стоял смрад от разложившихся тел и нечистот. Из-под колес доносился пронзительный визг разжиревших и потерявших всякий страх крыс. О том, что Ленинград все еще держится и в нем теплится жизнь, говорили редкие комендантские патрули на перекрестках, колонны машин с похоронными командами, стекавшиеся траурными ручьями к одной огромной братской могиле – Пискаревскому кладбищу, и вяло чадающие трубы заводов.

Все увиденное произвело на Ильина и Маклярского гнетущее впечатление. Они не находили слов, чтобы выразить свои чувства, и замкнулись в себе. Самойлов тоже ушел в себя, нервно покусывал губы и порывался что-то сказать. Маклярскому показалось, что он как будто не в себе, но не решился спросить. За оставшееся до отдела контрразведки фронта время они не проронили ни слова.

В приемной начальника особого отдела Ленинградского фронта их оглушили какофония звонков и осипшие голоса дежурного и помощника. Они разрывались между телефонами и не успевали принимать доклады из войск. Наиболее сложная обстановка складывалась в районе Колпино. Противник силами 12-й танковой и 122-й пехотной дивизий предпринял очередную попытку овладеть этим стратегически важным железнодорожным узлом обороны советских войск. Несмотря на значительные потери в живой силе и боевой технике, гитлеровцы продолжали упорно атаковать и на отдельных участках вклинились на несколько сот метров в оборону.

– Сколько?! Какими силами? – пытался добиться ответа дежурный.

Из трубки доносился прерывистый голос, тонувший в шуме боя.

– Володя, мы к комиссару! – вклинился в разговор Самойлов.

– А? Что? – переспросил тот.

– Я говорю, мы к комиссару, – повторил Самойлов и, кивнув на Ильина с Маклярским, представил: – Начальник 2-го отдела 3-го управления НКВД майор Ильин и заместитель начальника 2-го отдела 4-го управления НКВД капитан Маклярский.

Они предъявили удостоверения. Дежурный скосил на них глаза, кивнул, снял трубку другого телефона и доложил:

– Товарищ комиссар, к вам капитан Самойлов, с ним представители наркомата майор Ильин и капитан Маклярский.

– Пусть заходят! – прозвучало в трубке.

– Владимир Алексеевич, проводи товарищей, а я к себе прихвачу материалы на доклад, – попросил Самойлов дежурного.

Тот кивнул помощнику и продолжил принимать доклад. Ильин и Маклярский в сопровождении помощника дежурного вошли в кабинет начальника особого отдела Ленинградского фронта. Обстановка в нем была более чем скромная и близкая к боевой, об этом говорил автомат, висевший на вешалке. Встретил их молодой, подтянутый комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Куприн. Ильин и Маклярский с нескрываемым интересом разглядывали его. В последнее время имя Куприна все чаще звучало в начальственных кабинетах наркомата. О предстоящем его назначении на новый участок работы – начальником особого отдела НКВД Московского военного округа – на Лубянке говорили как о свершившемся факте.

Куприн оказался одним из немногих партийных назначенцев, кто на новом для себя участке – в органах госбезопасности оказался на месте. На службу он пришел в декабре 1936 года в возрасте 28 лет с должности ответственного инструктора отдела руководящих партийных органов Курского обкома. Столь резкий поворот в его успешной гражданской карьере был связан с очередной чисткой НКВД от «пробравшихся в его ряды троцкистов и перерожденцев».

Работу Куприну пришлось начинать с низовой должности помощника начальника 1-го отделения 4-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Смышленный по жизни и хваткий в работе, он быстро разобрался в особенностях агентурно-оперативной деятельности и стремительно поднялся по служебной лестнице. Не прошло и трех лет, как Куприн получил назначение на одно из ключевых управлений – УНКВД Хабаровского края. На момент его вступления в должность от управления осталось одно название.

Предшественник Куприна – бывший комиссар госбезопасности 3-го управления Генрих Люшков, за неполный год репрессировавший свыше 70 тысяч человек, сбежал к японцам. Сменивший Люшкова старший майор госбезопасности Григорий Горбач окончательно добил управление. За пять с небольшим месяцев его руководства в УНКВД Хабаровского края от прежнего состава почти никого не осталось. Команда «чистильщиков» Горбача добралась до самых отдаленных райотделений НКВД и не пощадила даже тех, кто Люшкова и в глаза не видел.

Это не спасло от расправы самого Горбача. 28 ноября 1938 года он был арестован за «перегибы, допущенные в проведении линии партии по очищению рядов НКВД от перерожденцев». Следствие по делу Горбача продолжалось недолго. Он хорошо знал, как безжалостно работает машина насилия, и потому после первых же допросов-пытток признался даже в тех преступлениях, которых не совершал. 7 марта 1939 года Горбач был расстрелян.

28 декабря 1938 года, прибыв в Хабаровск, Куприн обнаружил в управлении пустые кабинеты. Работу на новом месте ему пришлось начинать с чистого листа. За короткий срок он укомплектовал опустошенные репрессиями подразделения в центре и на местах, восстановил их боеспособность. Такая оперативность, а также дисциплинированность и строгость, делавшие Куприна настоящей армейской косточкой, были учтены руководством наркомата, и с началом войны его перевели в военную контрразведку – назначили начальником особого отдела НКВД Северного фронта. 23 августа 1941 года, в тяжелейшие для обороны Ленинграда дни, он был направлен на этот, один из самых сложных, участок контрразведывательной работы и быстро взял ситуацию под контроль. За восемь месяцев 1941–1942 годов сотрудниками особого отдела Ленинградского фронта была пресечена шпионская и подрывная деятельность нескольких сотен гитлеровских агентов, а главное – не допущено крупных диверсий на стратегических объектах города.

Все это давало Ильину и Маклярскому надежду на то, что при поддержке Куприна им удастся подготовить Миклашевского к выполнению задания Сталина, а именно: ликвидировать предателя Блюменталь-Тамарина. Обменявшись крепкими рукопожатиями, они приняли предложение Куприна позавтракать. Стол был накрыт в соседней с кабинетом комнате отдыха. Более чем скудный завтрак скрасили припасы: сало, консервы – бычки в томатном соусе и буханка свежеспеченного ржаного хлеба, прихваченные предусмотрительным Ильиным. После завтрака они вернулись в кабинет, где к ним присоединился Самойлов. Прежде чем открыть совещание, Куприн поинтересовался у Самойлова:

– Михаил Семенович, Гонтарев передал тебе сообщение Консула?

– Так точно, Павел Тихонович! Я приобщил его к материалам на Миклашевского, – подтвердил Самойлов.

– Рекомендую посмотреть, товарищи. Там есть один значимый эпизод, ярко характеризующий Миклашевского, – заострил внимание Ильина и Маклярского на этом материале Куприн и открыл совещание.

– Михаил Семенович, ты готов к докладу?

– Так точно, Павел Тихонович! – подтвердил Самойлов и развязал тесемки на папке с материалами проверки на Миклашевского.

Сверху лежала фотография сержанта лет двадцати пяти. Интеллигентное, без изъянов и шрамов, с правильными чертами лица, на котором выделялись большие, умные глаза, скорее могло принадлежать человеку искусства, но никак не боксеру. Передав ее Ильину и Маклярскому, Самойлов принялся перебирать копии характеристик командования, сообщения агентуры, остановился на справке по материалам проверки на Миклашевского и, сверяясь с ней, приступил к докладу:

– Сержант Миклашевский Игорь Львович родился в Москве в 1918 году, в театральной семье. Отец – Лев Александрович Лащилин, известный артист балета, хореограф и педагог. Мать – Августа Леонидовна Миклашевская, актриса Камерного театра. Поэт Сергей Есенин посвятил ей цикл стихов: «Любовь хулигана», «Что ж так имя твое звенит, словно августовская прохлада?», «Поступь нежная, легкий стан»...

– Михаил Семенович, мы тут собрались не для того, чтобы обсуждать какого-то там кабацкого поэта! – перебил Куприн и с сарказмом заметил: – Есенин, что ли, будет выполнять задание?

Самойлов смешался. Ему на помощь пришел Ильин и предложил:

– Действительно, Михаил Семенович, давай-ка сосредоточься на Миклашевском и его отношениях с Блюменталь-Тамариным.

Сверившись со справкой, Самойлов продолжил доклад:

– Подруга матери Миклашевского – Инна Александровна является женой предателя Блюменталь-Тамарина.

– Знаю. Я с ней был знаком. Пошли дальше, – не стал останавливаться на этом Ильин.

– По полученным мной данным, Миклашевский неоднократно встречался с Блюменталь-Тамариным, когда тот приезжал в Ленинград, но близкими их отношения назвать нельзя.

– Понятно, а теперь о самом Миклашевском и желательно подробнее, как говорится, где родился, где крестился и на что сгодился, – заострил внимание Ильин.

– Если коротко, в школе учился хорошо, проявлял познания в немецком языке и увлекался боксом. По ее окончании поступил в институт физической культуры. Во время учебы в институте принимал участие в спортивной жизни, выступал на соревнованиях по боксу и получил звание мастера спорта СССР. С третьего курса был призван в армию, воевал с белофиннами и проявил себя с положительной стороны. В настоящее время является начальни-

ком прожекторной станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка. Свои обязанности начальника...

– Михаил Семенович, кончай нам читку Устава устраивать! – прервал его Куприн и потребовал: – Переходи к оперативным вопросам!

– Есть! – принял к исполнению Самойлов и снова заговорил казенным языком: – В процессе изучения Миклашевского через оперативные средства, командование, а также по прежним местам работы и месту жительства установлено, что он обладает бойцовским характером, физически подготовлен отлично – чемпион Ленинграда и Ленинградского военного округа по боксу в среднем весе...

– Стоп, стоп, Михаил Семенович, опять двадцать пять! – остановил его Куприн. – Ты доложи, чем Миклашевский дышит, насколько надежен и способен выполнить важное задание. Ясно?

– Так точно! – подтвердил Самойлов и обратился к оперативным материалам. – По данным агента Консула и осведомителя Верного, Миклашевский настроен патриотично. Несмотря на тяжелое положение на фронте, пораженческих высказываний не допускает. Делу Сталина – Ленина предан и готов...

Здесь уже терпение иссякло у Ильина, и он деликатно заметил:

– Михаил Семенович, это общие фразы. Нас интересуют конкретные поступки и дела Миклашевского. Он же живой человек, у него есть семья, какие-то привязанности, какие-то слабости. Ты понял?

Самойлов смешался и дрогнувшей рукой принялся перебирать документы. Куприн с недоумением посмотрел на него, перевел взгляд на Ильина с Маклярским и, пожав плечами, спросил:

– Миша, что с тобой? Я тебя не узнаю.

Самойлов нервно сглотнул и осипшим голосом произнес:

– Извините, товарищ комиссар, мне трудно говорить. Сейчас, сейчас я соберусь.

– Да что случилось, Миша?!

– Вчера под бомбами погибли жена и дочь... – тихо сказал Самойлов.

В кабинете возникла тягостная пауза. Нарушил ее Куприн:

– Миша, чем помочь? Нутам похороны и все остальное?

– Я... я сам, – тихо сказал Самойлов, и его губы задрожали.

На скулах Куприна заиграли желваки, он сорвал трубку телефона и, услышав ответ дежурного, потребовал:

– Владимир Алексеевич, у Миши большое горе, погибла семья. Состыкуй его с Егоровым, пусть поможет с похоронами.

– Есть, – принял к исполнению дежурный.

– И еще, Владимир Алексеевич, срочно ко мне Савельева!

– Павел Тихонович, так он же под Колпино!

– Вот же... – выругался Куприн и обратился к Самойлову: – Миша, кто, кроме вас, занимался проверкой Миклашевского и может с ходу подключиться к работе?

– Товарищ комиссар, не надо, я продолжу работу, – возразил Самойлов.

Куприн задержал на нем взгляд, его голос потеплел, и он распорядился:

– Владимир Алексеевич, с Савельевым отставить, а в отношении Егорова мое указание остается в силе.

– Понял, доведу немедленно! – заверил дежурный.

Куприн опустил трубку на аппарат и снова обратился к Самойлову:

– Миша, после совещания подойди к Егорову, он поможет.

– Спасибо, Павел Тихонович.

– Крепись, собери всю волю в кулак! Фашист только того и ждет, что мы дрогнем и падём духом.

– Не дождется! – отрезал Самойлов и заиграл желваками на скулах.

– Вот это ответ настоящего чекиста и коммуниста! – похвалил Куприн и снова обратился к результатам проверки Миклашевского: – Так какие у него сильные и слабые стороны, Миша!

– Явных слабостей не просматривается. Как на ринге, так и по жизни Миклашевский – боец. С таким, как он, можно идти в разведку, – заключил Самойлов.

– А что для него дороже всего? – уточнил Ильин.

– Н-у, Родина.

– С ней понятно, а что еще?

– Семья.

– Чем подтверждается? – допытывался Ильин.

– Материалами перлюстрации его переписки. В письмах Миклашевский вряд ли станет кривить душой.

– Весомый аргумент, – признал Куприн и отметил: – А для нас хороший якорь, что не переметнется к фрицам.

– Михаил Семенович, а чем подтверждаются политические убеждения Миклашевского – преданность Родине и товарищу Сталину? Есть примеры? – продолжал допытываться Ильин.

– Есть, и не один, – уверенно заявил Самойлов.

– Например?

– Позавчера агент Консул сообщил мне о пораженческом разговоре среди дежурного расчета прожекторной станции. Обсуждалось тяжелое положение на фронте. Рядовой Горохов допустил резкое антисоветское суждение о том, что товарищ Сталин... – Самойлов замялся.

– Да ладно, говори, Миша, тут все свои! – разрешил Куприн.

– В общем, Горохов клеветал, будто бы товарищи Сталин и Молотов, чтобы спасти свои шкуры, специально не посылают войска на спасение Ленинграда. И что...

– К черту Горохова! Что Миклашевский сказал? – торопил Куприн.

– Ничего, Павел Тихонович.

Ильин переглянулся с Маклярским и спросил:

– Михаил Семенович, так что же это получается? Миклашевский ничего не ответил на враждебный выпад Горохова?!

– Ответил, и еще как. Потом Горохов ползал по земле и собирал зубы.

– Молодец боксер! Лучшей проверки не придумать, – заключил Куприн.

Но Ильин не спешил с окончательными выводами и снова обратился к Самойлову.

– Михаил Семенович, а как Миклашевский отнесся к тому, что совершил его дядя – Блюменталь-Тамарин?

– Осудил. На комсомольском собрании так и заявил: «Задушил бы гада своими руками».

– А как к этому отнеслись в семье Миклашевского?

Вопрос Маклярского вызвал замешательство у Самойлова. Ему на помощь пришел Куприн и пояснил:

– Михаил Борисович, такой информацией мы не располагаем. Ваша шифровка на Миклашевского поступила неделю назад. Поэтому оперативные позиции в окружении его семьи не созданы, но в ближайшие дни они появятся.

– К сожалению, Павел Тихонович, на это уже не осталось времени, – посетовал Маклярский.

– И что ты предлагаешь, Михаил Борисович?

– Действовать, Павел Тихонович.

– Каким образом?

– По нашему плану. Он жесткий по исполнению, но, я полагаю, позволит ответить на главный вопрос: насколько надежен Миклашевский.

– Тогда чего мы тут рассусоливаем, показывай, что там у тебя! – потребовал Куприн.

Маклярский положил на стол портфель, достал пакет, сорвал с него сургучную печать и передал план Куприну.

Прочитав, тот покачал головой и подвинул документ к Самойлову. Тот бросил взгляд на подпись и невольно подтянулся. В правом верхнем углу плана стояла подпись заместителя наркома НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Круглова. Уже одно это говорило Самойлову о важности предстоящего задания. И чем дальше он вчитывался в проверочные мероприятия, через сито которых предстояло пройти Миклашевскому, тем все большие сомнения испытывал. Они отразились на лице Самойлова. Это не укрылось от Маклярского, и он подчеркнул:

– Михаил Семенович, проверку Миклашевского провести по самому жесткому варианту. У нас нет права на ошибку, слишком велика цена операции.

– Михаил Борисович, но если строго следовать мероприятиям плана, то получается, мы создадим ему невыносимые условия. И как он в них себя поведет, только одному черту известно.

– А по-другому нельзя. Условия, в которых предстоит действовать Миклашевскому, причем в одиночку, будут еще сложнее.

– Так, товарищи, давайте не будем гадать! Раз надо, значит, надо! – положил конец спору Куприн и распорядился: – Михаил Семенович, даю тебе четыре дня на подготовку исполнителей!

– Павел Тихонович, что с трибуналом, сбоя не будет? – уточнил Ильин.

– Его я беру на себя! Сделает так, как скажу! – заверил Куприн.

– Все, больше вопросов нет, остальное решим в рабочем порядке с Михаилом Семеновичем, – подвел черту Ильин.

– В таком случае за дело, товарищи! – закончил совещание Куприн.

В этот и последующие три дня ничего не подозревавший Миклашевский исправно нес службу и с нетерпением ждал, когда заступит на дежурство новый расчет и у него появится несколько часов, чтобы заглянуть домой и передать семье то, что удалось сэкономить от продпайка.

Ранним утром 3 мая старенькая полуторка, натужно гудя изношенными металлическими внутренностями, с трудом преодолела ручей и въехала на позицию станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка. Ее звук вырвал из полудремы часового. Он встрепенулся, сорвал с плеча карабин, взял на изготовку и завертел головой по сторонам, но ничего не увидел. Со стороны Ладожского озера волнами наплывал туман, косматыми языками стелился по берегу и скрадывал развороченный последней бомбежкой фашистской авиации причал Дороги жизни, обугленные остовы сгоревших машин и подвод, распухшие туши убитых животных и иссеченную осколками березовую рощу.

– Стой! Кто идет? – окликнул часовой и передернул затвор карабина.

Двигатель полуторки заглох. Под чьей-то ногой хрустнул сучок, и в ответ прозвучало:

– Свои!

Из пелены тумана вынырнула коренастая фигура. Часовой направил на нее карабин и предупредил:

– Стой! Стрелять буду!

– Стою! Я начальник штаба батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка капитан Синцов, – представился он.

– Пароль! – потребовал часовой.

– «Онега»! – назвал Синцов.

Часовой закинул карабин за плечо и отступил в сторону. Синцов стремительно прошел к землянке, распахнул дверь и гаркнул:

– Воздушная тревога. Расчеты в ружье!

Миклашевский и его подчиненные слетели с нар, на ходу оделись и, прихватив из оружейной пирамиды карабины, выскочили из землянки и разбежались по позиции. Действовали они слаженно и быстро, перекрыв норматив занятия боевых постов на 23 секунды. Синцов остался доволен, перед строем объявил благодарность всему личному составу и отдельно поощрил тремя сутками отпуска сержанта Миклашевского и начальника первого расчета младшего сержанта Рогова. Дважды повторять предложение подвезти их до Ленинграда ему повторять не пришлось. Прихватив вещмешки с самым ценным, что могло быть в блокадном городе, – продуктами, они забрались в кузов полуторки. Синцов высадил их в Всеволожске, а сам направился в штаб полка. На перекладных они добрались до Московского вокзала и там были задержаны комендантским патрулем.

Его начальник, лейтенант, придирчивым взглядом прошелся по ним – их форма не отличалась чистотой – и потребовал:

– Товарищи сержанты, с какой целью вы находитесь в городе?

– Командование предоставило нам отпуск, – доложил Миклашевский.

– Отпуск?! – не мог скрыть удивления лейтенант.

– Да, объявил начальник штаба батальона капитан Синцов.

– Подтверждающие документы есть?

– Так точно! – в один голос ответили Миклашевский с Роговым и предъявили увольнительные записки, подписанные Синцовым.

Лейтенант повертел их в руках, обратно не вернул, и в его голосе зазвучал металл:

– А почему нет печати?

– Так это капитан объявил отпуск на позиции, – пояснил Миклашевский.

– И почему не отправил оформляться в штаб? Странно...

– А че странного, товарищ лейтенант? На передке – не то, шо тут, там по канцеляриям ходить некогда, – завелся с полоборота Рогов.

– Че-че? Ты на кого тянешь? – набычился начальник патруля.

– Товарищ лейтенант, извините Васю, у него контузия, – Миклашевский поспешил сгладить неуклюжий выпад Рогова.

– У него не контузия, а язык больно длинный! – отрезал начальник патруля.

– Ага, язык длинный. Посмотрел бы я на тебя на передке, – огрызнулся Рогов.

– Вася, прекрати! – пытался остановить его Миклашевский.

Но тот уже не выбирал выражений:

– Летеха, та хто ты такой, щоб нас, фронтовиков, мурыжить? Мы че, шпионы? Я жену и детей почитай месяц не видел! Я...

– Молчать! – рявкнул лейтенант и потребовал: – Предъявить личные документы!

– Ну началось. Ты, мовет, еще подворотничок проверишь? – заворчал Рогов.

Миклашевский промолчал и передал лейтенанту книжку красноармейца. Рогов шарил по карманам и невнятно бубнил:

– Е-мое, кажись, забыл.

– Кончай крутить, сержант! Где твоя книжка красноармейца? – напирал лейтенант.

– Та забыл я ее.

– Как забыл?

– А ось так! – вскипел Рогов и обрушился на патрульного: – Та хто вы такие, шоб мне, фронтовику, права качать? Мы на передке кровь проливаем, а вы тут на продскладах отъедаетесь! Да я...

– Молчать! Не двигаться! – взорвался лейтенант, и его рука дернулась к кобуре с пистолетом.

Рогов успел опередить его и ударом в челюсть опрокинул на землю. Завязалась драка. На помощь патрулю подоспели милиционеры. Рогова и Миклашевского скрутили и доставили в гарнизонную комендатуру. На следующие сутки дело о нападении на патруль было передано в военный трибунал. Его решение было скорым и суровым: Миклашевского приговорили к трем, а Рогова к восьми месяцам службы в составе штрафного батальона. Слабым утешением служило то, что их не сразу бросили в топку войны. В боях наступило временное затишье, и командование 55-й армии Невской оперативной группы воспользовалось им, чтобы пополнить личным составом наиболее обескровленные подразделения. В их числе оказался и штрафной батальон, он был отведен во второй эшелон на доукомплектование. Воспользовавшись передышкой, бойцы занимались тем, что писали письма родным, стирали заскорузлую от пота и пропитавшуюся прогорклым запахом пороха форму.

Миклашевский с карандашом и листком бумаги приткнулся в уголке и пытался найти нужные слова, чтобы смягчить горе жены и сына. Они мучительно рождались в смятенном сознании, а карандаш спотыкался на каждой букве. За этим занятием его застал Рогов. Суетливо осмотревшись, он предложил:

– Игорь, отойдем.

– Куда? Зачем? – спросил Миклашевский.

– Есть разговор?

– Какой?

– Отойдем, там скажу, – уклонился от ответа Рогов и направился к развалинам.

Миклашевский поднялся с завалинки и последовал за ним. Рогов свернул за угол, посмотрел по сторонам и спросил:

– Ты слышал, говорят, завтра нас бросают на фрица?

– А какая разница, завтра или сегодня, от передка не отвертись.

– А то, Игореша, позавчера на них гоняли третью роту, так от нее ничего не осталось.

Долбанные комиссары всех положили.

– Война, Вася, че тут поделаешь.

– Ага, война, а для кого мать родна.

– Ты о чем?

– Все о том, Игореша, не прикидывайся, шо не понимаешь.

– Не понимаю! Кончай ходить вокруг да около, говори прямо! – начал терять терпение Миклашевский.

– Можно и прямо, – с ехидцей произнес Рогов, полез в карман гимнастерки, вытащил в несколько раз сложенный листок бумаги и предложил:

– Вот, почитай.

– И что это?

– Читай-читай, там все написано.

Миклашевский развернул лист. В глаза бросился абрис хищного орла, а под ним нечеткий портрет. Он присмотрелся, и кровь схлынула с лица. Нет, это не было обманом зрения. С листовки на него смотрел дядя – Блюменталь-Тамарин. Миклашевский никак не мог сосредоточиться на тексте, буквы плясали перед глазами, и внезапно осипшим голосом произнес:

– Ты к чему это, Вася?

– А к тому, Игореша, пока не поздно, надо рвать когти.

– Какие когти? Куда? Ты че несешь?!

– А то, шо завтра, когда комиссары погонят нас на пулеметы, будет поздно.

– Ты че, предлагаешь податься к фрицам?! – опешил Миклашевский.

– Дурачок ты, Игореша! Я предлагаю спасти себе жизнь. К твоему дядьке податься. Он же пишет, шо у немца житье не хреново.

– Какое житье? О чем ты?!

– Это не я. Это твой дядька. Я-я...

– Пошел он на хрен, – взорвался Миклашевский и ринулся на Рогова.

Тот бросился искать спасения у бойцов взвода. Они с трудом смогли остановить разъяренного Миклашевского и оттащили обоих к командиру роты. Тот был не один, в его землянке находился особист. В происшествии он усмотрел ни много ни мало, а подготовку к измене, не стал вникать, кто прав, кто виноват, и приказал арестовать обоих. Под усиленной охраной Миклашевского и Рогова отправили в особый отдел дивизии. Там за два дня следователь Зацепило, въедливый, словно клещ, измотал Миклашевскому всю душу. Он уже потерял надежду выйти из камеры живым и обреченно ждал очередного суда военного трибунала. На третий день допросы прекратились, и следователь объявил свое решение. Оно стало полной неожиданностью для Миклашевского. С него сняли не только последние, но и прошлые обвинения, полностью реабилитировали и предоставили три дня отпуска, объявленные капитаном Синцовым.

Что касается Рогова, то с ним Миклашевский больше не встречался. Сыграв свою неблагодарную роль в проверочной комбинации контрразведчиков, он уже не вернулся в расположение прожекторной станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка. Дальнейшую службу Рогов продолжил в составе другого фронта – Волховского.

Из камеры временно задержанных особого отдела дивизии Миклашевский вышел, потеряв в весе несколько килограммов, и поспешил на встречу с семьей. Три дня отпуска для него, жены и сына пролетели как миг. Утром, когда подошло время отправляться в часть, в дверь квартиры постучали, на пороге возникли двое: майор и капитан. Взгляд Миклашевского упал на петлицы, скользнул по шевронам на рукаве гимнастерки, и сердце екнуло. Появление сотрудников НКВД, да еще в ранний час, ничего хорошего не сулило, и он поник.

Майор переглянулся с капитаном и уточнил:

– Вы Игорь Львович Миклашевский?

– Да, – выдавил из себя он.

– Я, Ильин Виктор Николаевич, – назвал себя майор и, кивнув на капитана, представил его: – Маклярский Михаил Борисович.

Миклашевский не знал, что сказать, и растерянно топтался на пороге. Из комнаты выглянула жена и окликнула:

– Игорь, кто там?

– Тут по службе, – он не решался сказать правду.

– Совершенно верно, Игорь Львович, – живо подхватил Ильин и спросил: – Вы позволите войти?

Миклашевский отступил в сторону. Ильин и Маклярский прошли в прихожую. В ней глазу не за что было зацепиться. Мебель сгорела в печке-буржуйке во время зимы, а мужская одежда была обменяна на продукты на блошином рынке. Они проследовали на кухню. Миклашевский захлопнул дверь и потерянно потащился за ними. К нему присоединилась жена. Они ничего не могли понять и с возрастающим изумлением наблюдали за тем, как Маклярский снял с плеча увесистый вещмешок и стал выкладывать на стол продукты: две буханки настоящего ржаного хлеба, кусок сала с толстыми прожилками мяса, отливающую синевой головку сахара и плитку шоколада «Мокко». Недоуменные взгляды Миклашевских сошлись на Ильине.

– Посылка из Москвы, от ваших друзей, – пояснил он.

Жена Миклашевского не смогла сдержаться и разрыдалась. Неподвластный ее воле страх голодной смерти, живший в каждой клеточке изможденного тела, подтолкнул вперед. Она, как лунатик, подошла к столу, и когда руки коснулись хлеба, их свела судорога. Миклашевский обхватил ее за плечи и, пряча глаза от Ильина и Маклярского, проводил в соседнюю комнату. Вернувшись на кухню, он испытующим взглядом прошелся по ним и, обратившись к Ильину, спросил.

– Товарищ майор, если не ошибаюсь, ко мне вас привела не посылка?

– Не ошибаетесь, Игорь Львович, – подтвердил тот и предложил: – Присядем, как говорится, в ногах правды нет, и поговорим.

Они сели за стол.

– Товарищ майор, я так понимаю, разговор будет долгим? – первым затянувшуюся паузу нарушил Миклашевский.

– Все зависит от вас, Игорь Львович. Мы не можем вам приказать, окончательное решение за вами, – пояснил Ильин.

Миклашевский с облегчением вздохнул и признался:

– Слава Богу, а то я, грешным делом, решил, что в особом отделе передумали и пришли арестовать меня.

– Не знаю, как у особистов, а по нашей части за вами, Игорь Львович, грехов не водится, – с улыбкой произнес Ильин.

– Но есть один грешник, и ему уж точно гореть синим пламенем в аду, – присоединился к нему Маклярский.

– И спустить его туда предлагается мне? – предположил Миклашевский.

Ильин переглянулся с Маклярским и не удержался от похвалы:

– С вами, Игорь Львович, приятно иметь дело, вы все хватаете на лету.

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что оно касается предателя Блюменталь-Тамарина. Закономерный итог эгоиста, который любит только самого себя, – заключил Миклашевский.

Маклярский с Ильиным дружно закивали. В своих прогнозах в отношении Миклашевского они не ошиблись. Он оказался настоящей оперативной находкой, понимал все с полуслова и, выслушав предложение Ильина, без колебаний согласился принять участие в операции по ликвидации предателя. Это решение Миклашевский подтвердил в своем рапорте на имя Судоплатова. В нем была всего одна оговорка: «...В случае моей смерти я очень прошу позаботиться о моей семье».

На следующий день Ильин и Маклярский покинули Ленинград и по прибытии в Москву представили Судоплатову доклад о результатах изучения и проверки Миклашевского. Его готовность выполнить задание Сталина у Павла Анатольевича также не вызвала сомнений. Окончательное решение оставалось за наркомом НКВД Лаврентием Берией.

Глава 3

После проливных дождей, заливавших Москву в начале мая, весна наконец пришла в столицу. С юга подули теплые ветры, небо очистилось от свинцовых туч, и под лучами яркого, весеннего солнца природа принялась стремительно наверстывать упущенное. В считанные дни сады и скверы оделись в нежно-зеленый наряд, берега Москвы-реки окутала золотистая пелена распутившейся вербы, а кроны могучих лип загудели от гомона птиц. Молодая трава бинтами-повязками бережно перевязала раны, нанесенные земле бомбежками люфтваффе.

Жизнь, наперекор войне, брала свое. В витринах магазинов и универмагов опять появились щеголеватые манекены с застывшими улыбками на гуттаперчевых лицах. Веселый перезвон трамвайных стрелок, как и прежде, зазвучал на Садовом кольце и Арбате. На улицах и в скверах среди моря цвета хаки все чаще возникали пестрые островки. Это дерзкие модницы, пусть пока робкими стайками, порхали яркими бабочками по улице Горького.

Май 1942 года как на советско-германском фронте, так и в тылу встречали с надеждой, что «несокрушимая и легендарная» Красная армия погонит фашиста в шею с русской земли. Ее питали разгром гитлеровских войск под Москвой зимой 1941–1942 годов, успешная операция по освобождению восточной части Крыма и начавшееся 12 мая мощное наступление частей Юго-Западного фронта. За первые сутки боев ударные группировки под командованием маршала Семена Тимошенко сумели прорвать глубоко эшелонированную оборону 6-й немецкой армии севернее и южнее Харькова и к исходу третьих суток продвинулись из района Волчанска на 25 километров, а из Барвенковского выступа на 25–30 километров вглубь боевых порядков противника. Казалось, еще одно усилие танковых и механизированных частей 57-й армии под командованием генерала Подласа, 38-й армии под командованием генерала Москаленко, и кольцо окружения замкнется вокруг фашистских войск.

Приподнятая атмосфера, царившая в штабе Юго-Западного фронта, бодрые доклады командующего Тимошенко и члена военного совета фронта Никиты Хрущева в Ставку Верховного Главнокомандования, породили излишний оптимизм у Сталина и руководства Генерального штаба. Они уже мыслили о другой, более важной цели – освобождении столицы советской Украины – Киева.

Не столь оптимистично по поводу успехов Юго-Западного фронта были настроены на Лубянке. Внутренняя тревога не покидала наркома НКВД Лаврентия Берию. Основанием для нее служила докладная начальника особого отдела фронта комиссара госбезопасности 3-го ранга Николая Селивановского.

После трудного, с взаимными упреками разговора с Тимошенко и Хрущевым он так и не нашел у них понимания. Его попытки доказать, что планируемое наступление советских войск на Харьков в достаточной степени не обеспечено ни людскими, ни материальными ресурсами и в конечном итоге грозит обернуться катастрофой, они не восприняли. Более того, Хрущев обвинил Селивановского в том, что он раздувает из мухи слона и идет на поводу у своих агентов-дезинформаторов. Эти обвинения, а также близость Тимошенко к Сталину не остановили Селивановского. Не добившись поддержки у своего непосредственного руководителя – начальника Управления особых отделов НКВД СССР Виктора Абакумова, он набрался смелости и направил докладную на имя наркома внутренних дел.

В ней Селивановский, опираясь на оперативные данные, поступившие от зафронтовой агентуры, результаты допросов захваченных в плен немецких солдат и офицеров, а также расчеты начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта полковника Рухле, обосновывал ошибочность решения Тимошенко и Хрущева о наступлении. Более того, ссылаясь на последнюю разведывательную информацию, он выдвинул смелое предположение о

том, что наступление советских войск искусно провоцируется гитлеровским командованием с целью нанесения ответного контрудара с далеко идущими последствиями.

Цепкая память Берии вернула его к содержанию докладной Селивановского:

«...Планируемая операция преждевременна. Наступление из Барвенковского выступа опасно. Оттуда вообще следовало бы вывести 57-ю армию. Вокруг выступа немцы за зиму создали глубоко эшелонированную оборону и подтянули к его основанию значительное количество войск, которые в любую минуту могут нанести удар в тыл ударной группировки, парировать такой удар мы не сможем – нет достаточно сильных резервов.

Также ошибочно вводить в Барвенковский выступ конные и танковые корпуса, немецко-фашистское командование только того и ждет. Оно с умыслом не усиливает своего левого фланга в районе Славянска. Оно умышленно провоцирует нас на наступление. Как только в Барвенковском мешке окажутся наши ударные группировки, немецкая танковая армия, расположенная южнее, нанесет удар в северном направлении на Изюм. Вывод: подготовленное сражение мы проиграем и этим развяжем руки противнику для крупного наступления на Сталинград и Кавказ...»

Берия восторгнулся. Бодрый голос диктора Левитана, сообщавшего о крупных успехах, достигнутых во время наступления частей Юго-Западного фронта, развеял тревожные мысли наркома, и он снова вернулся к изучению материалов на Миклашевского. Результаты его проверки, доложенные Ильиным и Маклярским, не оставляли сомнений в том, что более надежной кандидатуры для выполнения задания Сталина, чем племянник предателя, не найти. Берия перебирал фотографии, на которых были запечатлены Миклашевский, его семья и он – перебежчик Блюменталь-Тамарин в окружении известных советских артистов. На одной из них, относящейся к началу 20-х годов, без труда можно было узнать самого Блюменталь-Тамарина, его покровителя – наркома просвещения Луначарского, знаменитого певца Собинова и актрису Ольгу Чехову.

Берия задержал на ней взгляд, и в голове пока еще смутно возникла дерзкая идея. «А почему только Блюменталь-Тамарин?! Почему? – подумал он, и его осенило: – Лаврентий, это же тот самый шанс, который выпадает один раз на тысячу! Да, Лаврентий, шанс! Ты не должен упустить его! Неслыханная удача сама плывет тебе в руки!»

Захваченный этой, кажущейся на первый взгляд фантастической, идеей, Берия уже не мог усидеть в кресле. Он поднялся и закружил по кабинету. Его память выхватывала из прошлого факты, и они складывались в логическую цепь. Основные ее звенья составляли Миклашевский, Блюменталь-Тамарин и, конечно, она – Ольга Чехова – любимая актриса дьявола в человеческом облике Гитлера, приятельница семьи разжиревшего борово Геринга и кумир нацистской верхушки.

«Кумир! Звезда фашистской сцены и экрана! Ха-ха! – мысленно рассмеялся Берия. – А не хотите, Чехова – один из самых ценных наших агентов!»

Умница Артузов – самая светлая голова среди дзержинцев, ты смотрел далеко вперед, когда вербовал ее. И этот идиот, садист Ежов, лично пытавший ближайших соратников Ленина – Бухарина, Зиновьева, Каменева и своего предшественника на посту наркома НКВД Ягоду, пустил тебя под нож! Тебя – разработчика блестящих операций «Трест» и «Синдикат 2»! Они позволили ОГПУ почти семь лет дурачить всю белую эмиграцию якобы существующим в СССР антибольшевистским подпольем, водить за нос полдюжины разведок, заманить в западню матерых, непримиримых врагов советской власти: английского шпиона Сидней Рейли и террориста с дореволюционным стажем Бориса Савинкова.

В далеком 1921 году Артузов не ошибся, когда настоял на том, чтобы выпустить за железный занавес, в Германию, малоизвестную актрису Ольгу Чехову – жену Михаила

Чехова и племянницу знаменитого писателя Антона Чехова. Прошли годы, и она стала звездой первой величины не только на немецкой сцене, но и в советской разведывательной сети в Западной Европе.

Мой личный агент! Кто таким может похвалиться? Меркулов? Абакумов? Нет, только я!» – эта тщеславная мысль легким румянцем окрасила щеки Берии.

Позже, в 1997 году легендарный руководитель 4-го управления НКВД-НКГБ СССР Павел Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» так вспоминал о той ключевой роли, которую нарком Лаврентий Берия отводил Ольге Константиновне Чеховой в реализации оперативного замысла по ликвидации фашистской верхушки – Гитлера и Геринга.

«...Ольга Чехова являлась надежным сотрудником и важным источником информации, ее лично «вел» сам Берия... Ольга Чехова должна была при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру».

– Блюменталь-Тамарин... Блюменталь-Тамарин... – повторил вслух Берия, и в его голове начала вырисовываться дерзкая оперативная комбинация. – Нет, рано тебе поддыхать, мерзавец! Ты еще поживешь и послужишь нам. Тебе предстоит сыграть роль в самом захватывающем спектакле, а его сценарий напишу я!»

Замысел новой операции приобретал в голове Берии все более зримые очертания. Захваченный им, он уже ни о чем другом не думал и с нетерпением ждал, когда подойдет час доклада Сталину. Стрелки напольных часов медленно ползли по циферблату. Мелодичный бой заставил встрепетаться Берию. До встречи со Сталиным оставалось сорок минут. Он уже не мог усидеть на месте и выехал в Кремль. Перед тем как подняться в приемную, задержался в сквере и еще раз мысленно прошелся по основным позициям замысла ликвидации Гитлера. Он казался безупречными. Риск потери ценнейшего источника информации – Ольги Чеховой не шел ни в какое сравнение с тем, что в итоге сулил успех операции. Утвердившись в своих мыслях, Берия решительно шагнул к подъезду, поднялся по лестнице, сдал пистолет дежурному офицеру и вошел в приемную.

В ней помимо Поскребышева находились руководители из наркомата боеприпасов. Кивнув им, Берия занял место в кресле и сосредоточился на предстоящем докладе. Подошло время приема, минуло еще семь минут, когда наконец дверь кабинета Сталина открылась. Из него вышел нарком иностранных дел Вячеслав Молотов. Судя по его оживленному лицу, разговор со Сталиным проходил в мажорном тоне. Коротко поздоровавшись с присутствующими, Молотов направился к себе. Поскребышев, проводив его взглядом, поднял трубку прямой связи со Сталиным и доложил:

– Иосиф Виссарионович, в приемной находятся Лаврентий Павлович и руководители из наркомата боеприпасов... Да... – и, обращаясь к Берии, Поскребышев пригласил: – Проходите, Лаврентий Павлович!

Берия поправил пенсне и, войдя в кабинет, попытался угадать настроение Сталина. Его вид говорил о хорошем расположении духа. С фронта поступали оптимистичные доклады об успехах советских войск. Ударная группировка Юго-Западного фронта все глубже вгрызалась в оборону противника. Сталин энергичной походкой двинулся навстречу Берии, крепко пожал руку и, задержав пронизывающий взгляд на лице – от него не укрылся азартный огонек в глазах наркома, спросил:

– Что, Лаврентий Павлович, у тебя тоже хорошие новости?

– Да, Иосиф Виссарионович.

– Хочешь сказать, что нашелся наследник на престол?

Вопрос Сталина привел Берия в замешательство. Глаза забежали за стекляшками пенсне. Он лихорадочно соображал: «Что ты имеешь в виду? Того, кто метит на твое место? Но кого? Или опять меня проверяешь? Ну сколько же можно?!»

– Так что, нашелся? – допытывался Сталин, и в его усах появилась лукавая улыбка.

Берия сообразил: речь идет о легендируемой наркоматом антисоветской организации «Престол», в очередной раз поразился цепкой памяти Сталина и доложил:

– Да, Иосиф Виссарионович, «Престол» находится в надежных руках НКВД. Наш агент Гейне после переброски за линию фронта прошел проверку в абвере. Его подвергли имитации расстрела, но он выдержал и это. В абвере ему присвоили псевдоним Макс и после подготовки выбросили на парашюте в районе города Рыбинска с заданием организовать в Москве на базе подпольной организации «Престол» получение информации о замыслах советского военно-политического руководства. В настоящее время управлением Судоплатова успешно ведется радиоигра с абвером. Ее кодовое название «Монастырь».

– Так значит «Монастырь»? – переспросил Сталин.

– Так точно, Иосиф Виссарионович.

– И кого подвели под тот монастырь?

Берия широко улыбнулся и бодро доложил:

– Двух курьеров из Берлина Станкова и Шалова. Их приняли на легендированной квартире подчиненные Судоплатова, выступавшие в роли членов организации «Престол». Чтобы не засветить Гейне, курьеров не стали сразу брать и на время оставили на свободе. После того как все опасения в отношении Гейне были сняты, Станкова и Шалова негласно задержали и после перевербовки включили в радиоигру с абвером.

– Хорошая работа, – похвалил Сталин и поинтересовался: – В каком направлении собираешься вести эту игру?

– С учетом того, что в абвере полностью доверяют Гейне, полагаю, настало время выводить операцию на стратегический уровень – снабжать гитлеровское командование серьезной дезинформацией. С этой целью по согласованию с начальником Генштаба Гейне зачислен на должность офицера связи. Информация о его назначении доведена до абвера. Берлин сразу же отреагировал и потребовал от Макса-Гейне добыть данные о наших воинских перевозках на Юго-Западный и Брянский фронты.

– Очень кстати, Лаврентий! Очень! – оживился Сталин. – Войска Тимошенко успешно наступают под Харьковом. В сложившейся ситуации умелое использование Гейне может спутать карты немецкому командованию и серьезно изменить ход боевых действий на южном фланге нашего фронта.

– Я уже дал распоряжение Судоплатову, чтобы он совместно с Генштабом проработал необходимую дезинформацию для передачи в абвер, – доложил Берия.

– Все правильно, хорошо, что не ждешь! – одобрил Сталин и поинтересовался: – Как настрой у нашего разведчика?

– Боевой.

– Молодец! Он выполняет очень важную работу. Она сохраняет тысячи жизней советских солдат. Поэтому, Лаврентий, ни он, ни его семья не должны знать ни в чем отказа.

– Они обеспечены всем необходимым, а их безопасность гарантирована, – заверил Берия.

– Хорошо, что еще?

– Это касается вашего поручения в отношении изменника Блюменталь-Тамарина. Судоплатовым подобран исполнитель, способный ликвидировать мерзавца, порочащего ваше великое имя и имена других руководителей партии и советского государства. В ближайшее время...

– Погоди, погоди, Лаврентий Павлович, – остановил его Сталин и строго заметил: – Устранение Блюменталь-Тамарина не должно рассматриваться как личная месть товарища Сталина или товарища Молотова. Это акт справедливого возмездия советского народа.

– Да, конечно. Я имел в виду приведение в исполнение приговора военной коллегии Верховного Суда СССР, Иосиф Виссарионович.

– И кто же приведет его в исполнение?

– Сержант Миклашевский.

– Сержант Милашевский? А почему он?

– Его мать – Миклашевская Августа Леонидовна – была подругой жены мерзавца Блюменталь-Тамарина.

– Погоди, погоди, как ты сказал, Августа Леонидовна?

– Да.

– Она, если я не ошибаюсь, была музой этого пьяницы, скандалиста и дебошира Есенина?

– Совершенно верно, он даже посвящал ей стихи.

– Талантливый был хулиган, но шел не в ногу с революцией и советской властью. Как результат, запутался в своих бабах, собутыльниках и плохо кончил.

– В сложившейся ситуации это сработает на Миклашевского.

– Возможно, время покажет. Что еще связывает Миклашевского с Блюменталь-Таминым?

– По линии отца – Льва Лащилина, правда, он не состоял в официальном браке с Августой Леонидовной, Миклашевский доводится племянником предателю. Жена Блюменталь-Тамарина является сестрой Лащилина.

– Ну и семейка! У этих артистов все не как у людей, – с сарказмом произнес Сталин и продолжил расспрос: – Что собой представляет Миклашевский?

– Комсомолец. С лучшей стороны проявил себе в боях с финнами, сейчас воюет на Ленинградском фронте. По характеру волевой, решительный, спортсмен, до войны занимался боксом. В отношении него проведена серьезная проверка. Мы поставили его, можно сказать, в невыносимые условия, он их выдержал и не сломался.

– То есть не подведет и рука не дрогнет привести в исполнение приговор предателю?

– Да, Иосиф Виссарионович, – подтвердил Берия и замаялся, не зная, с чего начать доклад о дерзком замысле ликвидации самого Гитлера.

Это не укрылось от внимания Сталина, и он спросил:

– Лаврентий, что, все-таки есть сомнения в Миклашевском?

– Наоборот, Иосиф Виссарионович, я убежден, ему по плечу более важное задание.

– И какое же?

– Пока это соображение, так сказать, общего плана.

– И что за план?

– Скорее замысел ликвидации Гитлера!

– Гитлера?! Ну ты даешь, Лаврентий!

– Иосиф Виссарионович, другой такой возможности может и не быть! Есть надежный исполнитель, такой же, как Рамон Меркадер! Миклашевский, не задумываясь, раскроит череп Гитлеру. И, что очень важно, через Чехову есть прямой канал его вывода на этого мерзавца! – горячился Берия.

– Говоришь, устранить Гитлера, а к чему это приведет? – задался вопросом Сталин и задумался.

То, что предлагал Берия, выходило за рамки оперативно-боевой операции. Это была акция прежде всего важнейшего политического значения. Ее успех обеспечивал совершенно новый расклад сил не только в Германии, но и в мире. Что до исполнителей, то они, скорее

всего, были обречены на смерть. Но вождя мало волновали их судьбы. Что значил десяток человеческих жизней на весах истории, когда решалась судьба огромной страны? Ровным счетом ничего! Кровавый Молох войны ежедневно, ежечасно перемалывал в своих жерновах тысячи и тысячи человеческих жизней. Ликвидаторы являлись всего лишь разменной монетой в большой политической игре. Сталин, как никто другой, знал истинную ее цену и цену самих игроков.

Это они, Даладье и Чемберлен, потакали, а финансово-промышленные боссы Крупп, Шахт, Тиссен вскармливали Гитлера и нацистов с одной целью: уничтожить, стереть с лица земли Советский Союз. Его, Сталина, детище. Детище, которое не давало покоя финансовым воротилам лондонского Сити и нью-йоркской Уолл-стрит. Они спали и видели, как сжить со света ненавистный им СССР и завладеть его несметными богатствами. И тому Сталин находил массу подтверждений. Память вернула его в недавнее прошлое.

После аннексии Австрии нацисты нацелились на следующую свою жертву – Чехословакию. Весной 1938 года они развернули бешеную пропаганду, обвиняя чехов в дискриминации трех миллионов судетских немцев. Вслед за этим у ее границ вермахт грозно залязгал гусеницами. В воздухе запахло порохом. 17 марта по поручению Сталина нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов обратился к главам крупнейших европейских держав с призывом не допустить войны и предложил: «...Трем заинтересованным великим державам – Франции, России и Великобритании – выступить с совместной декларацией, которая стала бы наилучшим путем предотвращения войны... и возникновения угрозы для Чехословакии».

Лондон и Париж не только высокомерно отмахнулись от предложений Москвы, но и ничего не сделали, чтобы повлиять на позицию руководителей Польши и Румынии. Те отказались пропустить через свою территорию части Красной армии, которые советское правительство, выполняя свой союзнический долг перед Чехословакией, собиралось направить на ее защиту. Более того, британский премьер Чемберлен, вместо того чтобы поддержать предложение Литвинова – посадить на цепь бешеного пса Гитлера, бросился улаживать его.

16 сентября 1938 года под Мюнхеном в резиденции рейхсканцлера Германии Берхтесгадене в ходе переговоров с Гитлером Чемберлен согласился на расчленение Чехословакии. И как потом метко отметил Черчилль: «...Англия, оказавшись перед выбором: война или позор, в итоге выбрала и войну и позор». После завершения встречи с Гитлером Чемберлен вернулся в Лондон и, сияя белозубой улыбкой, громогласно с трапа самолета объявил: «... Я привез вам мир!» «Мир», который спустя три года обернулся десятками миллионов безвинных человеческих жертв.

Не прошло и года после оккупации Чехословакии, как Чемберлен и Даладье мелко и постыдно предали другого своего союзника – Польшу, отдав ее на растерзание Гитлеру. 1 сентября 1939 года вермахт начал боевые действия. Варшава подверглась жесточайшей бомбардировке, тысячи мирных жителей были погребены под развалинами. И снова Запад закрыл глаза на наглую агрессию фашистов. Отчаянные призывы главы польского правительства Флаевой-Сладковского к союзникам – Великобритании и Франции – прийти на помощь не нашли поддержки.

3 сентября Лондон объявил войну Берлину. Вслед за ним то же самое сделал Париж. Но дальше слов они не пошли. На что Гитлер с сарказмом заявил: «...Если они нам и объявили войну... то это еще не значит, что они будут воевать». Он знал, что говорил. Неверные союзники Польши – Великобритания и Франция ограничились ритуальными заявлениями и не ударили палец о палец, чтобы остановить фашистов. В Лондоне и Париже все еще надеялись, что военный каток Германии покатится дальше на восток и раздавит ненавистную западным буржуа советскую Россию.

И только когда вермахт раздавил Францию, а люфтваффе подвергло Великобританию ковровым бомбардировкам, в Лондоне и Вашингтоне спохватились и запели другую песню: о совместной с советской Россией борьбе с Гитлером и фашизмом. Насчет этих заявлений Сталин не обольщался, так как понимал: смерть фюрера могла резко изменить мировой расклад политических сил. У него не возникало сомнений в том, что после гибели Гитлера вчерашние враги: морганы, рокфеллеры, ротшильды, шахты, круппы и тиссенсы снова собьются в одну хищную стаю капиталистических гиен и бросятся терзать обескровленную войной социалистическую Россию. В условиях, когда на фронте наметился перелом, а Красная армия перешла в наступление, предложение Берии было не только несвоевременно, но и опасно.

Сталин покачал головой и решительно отрезал:

– Нет, Лаврентий, судьбу Гитлера и Германии должны решать не выстрел из пистолета или удар ножа, а русский солдат на фронте!

– Ясно, Иосиф Виссарионович, – не стал настаивать на своем предложении Берия и спросил: – А как быть с Блюменталь-Тамариным?

– А что он? Не за горами время, когда предатель предстанет перед советским судом. Тимошенко успешно развивает наступление, и это только начало. Поэтому, Лаврентий, не будем спешить.

– Хорошо, Иосиф Виссарионович, – согласился Берия и продолжил доклад.

Он изложил ситуацию, сложившуюся на оборонных предприятиях, эвакуированных на Урал, предложил освободить из лагерей ряд конструкторов, инженеров и направить на производство. Сталин согласился. На Лубянку Берия возвращался в хорошем настроении. Его не огорчил отказ Сталина поддержать замысел операции по ликвидации Гитлера. В глубине души Берия надеялся, что рано или поздно это решение будет пересмотрено.

Прошла неделя, месяц, Сталин к этому разговору больше не возвращался. Ему было не до того, и причиной этому стали драматические события на фронте. Сбылся самый мрачный прогноз начальника особого отдела Юго-Западного фронта комиссара госбезопасности 3-го ранга Селивановского.

К исходу дня 17 мая наступление советских войск на харьковском направлении захлебнулось. К тому времени авиация противника, завоевав господство в воздухе, лишила части 6-й и 9-й армий возможности совершать маневры. Тимошенко с Хрущевым забили тревогу: бросили в бой последние резервы, не предполагая, что все самое худшее впереди.

Атакуя правый фланг противника, они не подозревали, что угроза наступающим советским частям исходила с противоположной стороны. На левом фланге над 57-й армией генерала Подласа, подобно дамочлову мечу, нависла мощная группировка противника. Ее костяк составляла 1-я танковая армия. Она проявляла странную пассивность, что наводило на мысль: гитлеровцы, отступая, специально заманивали в ловушку части Юго-Западного фронта. Это предположение Селивановского ни Тимошенко, ни Хрущев не захотели услышать. Они упрямо гнули свое и предлагали руководству Ставки Верховного Главнокомандования подключить к наступлению части Брянского фронта.

То была еще одна роковая ошибка Тимошенко и Хрущева. Ни они, ни Генштаб не знали, что командование группы армий «Юг» вермахта еще в конце апреля 1962 года приступило к разработке наступательной операции против частей Юго-Западного фронта. Она получила кодовое название «Фредерикус», ее подготовка велась в глубочайшей тайне. Конечным замыслом операции предусматривалось силами 6-й армии под командованием генерал-полковника Паулюса и танковой группировки под командованием генерал-полковника Клейста окружить и уничтожить советские войска с последующим выходом к Ростову-на-Дону – воротам на Северный Кавказ.

18 мая командование вермахта ввело в действие план «Фредерикус». Ранним утром после мощнейшего артобстрела и бомбардировки позиций советских войск гитлеровцы перешли в контрнаступление. Командование Юго-Западного фронта, исчерпав все резервы, не смогло оказать серьезного сопротивления. Дальнейшее сражение шло под диктовку вермахта. Танковая группировка генерала фон Клейста, прошла, как нож сквозь масло, через левый фланг Юго-Западного фронта и через пять дней, 23 мая, южнее города Балаклея соединилась с частями 6-й армии будущего генерал-фельдмаршала Паулюса. Кольцо окружения вокруг советских войск замкнулось, управление ими было дезорганизовано, и сражение превратилось в кровавую бойню.

К 28 мая Юго-Западный фронт перестал существовать. Общие его потери составили 85 тысяч погибших и 230 тысяч пленных. Для вермахта открылся, как о том предупреждал Селивановский, путь на Сталинград и Кавказ. За провал операции ответили, конечно, не Тимошенко с Хрущевым, а «стрелочники». Главными виновниками стали командующий 9-й армии генерал Харитонов, отданный ими под суд военного трибунала, и полковник Рухле. Последний был обвинен в сотрудничестве с гитлеровцами.

Знойное лето 1962 года обернулось чудовищной катастрофой для советских войск на Южном и Юго-Западном фронтах. Отчаянные попытки Ставки Верховного Главнокомандования спасти положение не дали результата. В знойных донских степях части Красной армии, оставшись без надежного воздушного прикрытия, становились легкой добычей для фашистской авиации. На земле бронетанковые и моторизованные части вермахта, как в мельничных жерновах, перемалывали остатки истрепанных в непрерывных боях 51-й и 66-й армий. Фронт все дальше откатывался на восток к Сталинграду и Кавказу. Положение становилось все более критическим, и тогда Сталин санкционировал Берии операцию по ликвидации Гитлера.

Нарком не стал медлить и потребовал от Судоплатова представить все материалы на Миклашевского и Блюменталь-Тамарина, после их изучения вызвал его к себе. На доклад Судоплатов прибыл не с пустыми руками, а с перечнем мероприятий по реализации замысла операции и взял с собой ее руководителя – Маклярского. Берия, ознакомившись с материалами, огоршил заявлением:

– Товарищи, Блюменталь-Тамарин не основная цель предстоящей операции! Главная цель – Гитлер!

Судоплатов не нашелся, что сказать. А у Маклярского невольно вырвалось:

– Как?! Это же сам Гитлер!

– И что? Черт не так страшен, как его малюют! – отрезал Берия.

– Я... я, понимаю, товарищ нарком, но это же... – Маклярский не смог найти слов.

– Лаврентий Павлович, но у Блюменталь-Тамарина нет выхода на Гитлера! Я даже не представляю, как выполнить ваше задание, – признал свое бессилие Судоплатов.

– Не мое, Павел Анатольевич, а товарища Сталина! – объявил Берия и приоткрыл одну из самых больших тайн советской разведки: – Выход есть, через Ольгу Чехову!

– Чехову?! Она что, наш агент?!! – поразился Судоплатов.

У Маклярского от удивления округлились глаза. Берия улыбнулся и снисходительно заметил:

– Думали, что одни вы такие прыткие, я тоже кое-что умею.

– То есть Блюменталь-Тамарин сыграет роль посредника при выводе Миклашевского на Чехову! – сообразил Судоплатов.

– Да! – подтвердил Берия.

– У меня вопрос, Лаврентий Павлович, каким образом и на какой основе Чехова введет Миклашевского в окружение Гитлера? Он же не знаменитость и даже не артист.

– Зато известный боксер.

– А что это дает?

– Дает, Павел Анатольевич, и дает немало. Вам что-то говорит фамилия Шмелинг? Маклярский пожал плечами. Судоплатов напряг память и вспомнил:

– Немецкий боксер, чемпион мира.

– И не просто чемпион, а любимец Геринга.

– То есть Миклашевский после перехода к немцам должен засветиться перед Шмелингом? – предположил Судоплатов.

– Правильно мыслишь, Павел Анатольевич! – подтвердил Берия и развил свою мысль: – Для этого Миклашевский с помощью Блюменталь-Тамарина должен организовать турнир среди боксеров. За него уцепятся пропагандисты Геббельса и, я уверен, подключат Шмелинга.

– С этой частью замысла понятно, а какова роль Чеховой?

– Ключевая! После того как Миклашевский сделает себе имя среди нацистской верлушки, она введет его в ближний круг Геринга и Гитлера.

– Блестящая идея, Лаврентий Павлович! Гениальный ход! – не мог сдержать восхищения Судоплатов.

– Прекрати, Павел Анатольевич, а то я бронзой покроюсь! Гений у нас один – товарищ Сталин, – ворчливо заметил Берия, но его лицо и глаза говорили другое. Поправив пенсне, он снова продолжил в деловом тоне: – Вы профессионалы, и не мне вам объяснять, что операцию подобного уровня одиночке не решить. Необходима группа ликвидаторов.

Судоплатов и Маклярский дружно закивали.

– Меня в первую очередь интересует кандидатура командира группы. Какие есть предложения?

– Яков Серебрянский, – не задумываясь, назвал Судоплатов и пояснил: – Он почти десять лет возглавлял Особую группу при нарком НКВД. На ее счету десятки ликвидаций. В 1938 году...

– Павел Анатольевич, я в НКВД не с Луны свалился! – перебил Берия. – Этому твоему Серебрянскому по 58-й смертный приговор впаяли!

– Лаврентий Павлович, но вы же знаете, как было при Ежове. Если бы не вы, то и меня...

– Ежов?! Про этого кровавого карлика я чтобы больше не слышал!

– Извините, но Серебрянского действительно посадили ни за что. Это же потом доказали, – пытался отстоять своего боевого соратника Судоплатов.

– Павел Анатольевич, у нас ни за что не сажают! Серебрянский отпадает, тем более он засветился в Германии! – отрезал Берия.

– Понял, Лаврентий Павлович.

– Раз понял, давай другую кандидатуру.

Судоплатов переглянулся с Маклярским, и тот предложил:

– Товарищ нарком, с данной задачей справится старший лейтенант Арнольд Лаубэ.

– Лаубэ? Это не тот ли нелегал, что перед войной работал в Германии?

– Так точно, товарищ нарком! – подтвердил Маклярский и дополнил: – Лаубэ хорошо владеет обстановкой не только в Германии, но и в Австрии. Имеет широкие связи среди коммунистов и антифашистов.

– А вот их в операции и близко не должно быть! Рано или поздно попадут под колпак гестапо, – отверг Берия.

– Есть! Учтем при комплектовании группы! – заверил Судоплатов.

– И еще, Павел Анатольевич, печальный опыт группы ликвидаторов Ваупшасова учит: операционную базу, с которой будет действовать Лаубэ, надо разместить либо на Украине,

либо в Белоруссии. В дальнейшем, наладив канал, продвигать ее в Германию к Миклашевскому и Чеховой.

– Ясно. По такой схеме уже действуют разведывательно-диверсионные резидентуры «Ходоки», «Охотники», «Олимп» и «Митя». Она доказала свою жизнеспособность и эффективность.

– Хорошо, продолжайте и дальше работать по ней, – согласился Берия и предупредил: – Я думаю, вам не надо напоминать, что о конечной цели операции – ликвидации Гитлера – ни Миклашевский, ни Лаубэ, никто другой пока не должны знать. Всему свое время. Ясно?

– Так точно! – подтвердили Судоплатов и Маклярский.

– В таком случае приступайте к разработке замысла операции и плана оперативно-боевых мероприятий. Кстати, как ее назовем?

– «Возмездие», – предложил Маклярский.

– Не пойдет, слишком заезженное название, – не принял Берия.

– А если «Художник»? Гитлер в молодости занимался живописью, – вспомнил Судоплатов.

– Много чести будет, – отклонил и это предложение Берия.

– Товарищ нарком, а если «Ринг»? Все же вокруг бокса крутится, – искал емкое название Маклярский.

– Звучит! – поддержал Судоплатов и пошел дальше: – А исполнителю – Миклашевскому присвоить псевдоним Ударов?

– Принимается! – одобрил Берия и, заканчивая совещание, строго указал: – Товарищи, обращаю ваше внимание на неукоснительное соблюдение требований конспирации. В ваших документах не должно быть и близко имен Чеховой, Геринга и Гитлера. По ним доклады и распоряжения только в устной форме.

– Есть! – приняли к исполнению Судоплатов и Маклярский.

Так началась одна из самых секретных операций советских спецслужб. Спустя 53 года в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» Павел Анатольевич открыл одну из страниц дела оперативной разработки «Ринг». В частности, он писал:

«...Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была близка к Радзивиллу и Герингу, через родню в Закавказье связана с Берией. Позднее, в 1946–1950 годах, она была на личной связи у сменившего Берию министра госбезопасности Абакумова. Первоначально предполагалось использовать именно ее для связи с Радзивиллом. У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью подчинялась боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года...»

В одном только ошибся Павел Анатольевич, в дате начала операции. Память подвела признанного мастера специальных операций. Согласно архивному делу операции «Ринг» и делу на агента-боевика Ударова – Игоря Миклашевского, проведение специального мероприятия в отношении Блюменталь-Тамарина было санкционировано Берией 13 августа 1942 года. 15 августа Судоплатов утвердил у 1-го заместителя наркома НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга Сергея Круглова оперативно-боевые мероприятия по делу разработки операции «Ринг» и план индивидуальной подготовки агента-боевика Ударова.

После того как состоялись эти решения, Миклашевского специальным рейсом доставили из осажденного Ленинграда в Москву. С того дня началась практическая подготовка его и других участников операции к выполнению задания. На специальной даче 4-го управле-

ния НКВД, в районе станции Быково, мастера в области террора и диверсии занялись оперативно-боевым обучением Миклашевского. Параллельно с ним на базе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР в обстановке строжайшей секретности под руководством старшего оперуполномоченного 2-го отдела управления майора госбезопасности Виктора Зеленского оттачивали боевое искусство бойцы разведывательно-диверсионной резидентуры «Сокол». В ее состав вошли немцы, поляки и русские – испытанные воины, прошедшие войну в Испании и антифашистское подполье. Командиром РДР был назначен опытный разведчик старший лейтенант Арнольд Лаубэ.

В конце ноября 1942 года после доклада Судоплатова наркому о готовности Миклашевского и РДР «Сокол» к выполнению задания Сталина операция «Ринг» перешла в практическую плоскость. На первом этапе предусматривались воздушная заброска ее участников в тыл противника в район Витебска и оборудование в лесах операционной базы. Район был выбран неспроста, он находился неподалеку от смоленского лагеря военнопленных, где гитлеровская контрразведка осуществляла фильтрацию дезертиров и изменников. Согласно плану операции «Ринг», переход Миклашевского на сторону немцев предусматривался на участке Западного фронта, в районе Смоленска. После прохождения фильтрации ему предстояло выйти на связь с РДР «Сокол».

В данной части плана у Маклярского возникло немало вопросов к Зеленскому. Главный из них состоял в том, насколько надежным будет установление контакта на оккупированной территории Ударова со связником РДР «Сокол». Поэтому, чтобы исключить провал Миклашевского, он предложил: прежде чем внедрять Ударова к гитлеровцам, провести его обкатку на местности с установлением прямого контакта с содержателем явочной квартиры в Смоленске. Судоплатов поддержал предложение, и в план операции «Ринг» внес дополнение. С ним согласился Берия.

Морозной декабрьской ночью 1942 года с секретного аэродрома НКВД в сторону фронта вылетел военно-транспортный самолет. На его борту находились 17 разведчиков-боевиков РДР «Сокол», в их числе и Игорь Миклашевский. Скованные морозом и укутанные снегами земля и леса не подавали признаков жизни. Выглянувшая из-за облаков луна осветила блеклым светом окрестности. Сквозь морозную дымку проступили черный пунктир железной дороги, идущей на Витебск, и извилистая белая лента реки. Опытный штурман по только одному ему известным приметам определил место высадки десанта и дал команду. Один за другим бойцы РДР «Сокол» шагнули навстречу неизвестности.

Миклашевский, оттолкнувшись от пола, сжался в комок и камнем полетел вниз. «Один, два», – он мысленно отсчитывал секунды. На счете семь рука нащупала кольцо и дернула. Над головой раздался резкий хлопок, и парашют распустился огромным тюльпаном. Мощный поток воздуха начал скручивать стропы в тугой жгут. Миклашевский не растерялся (часы тренировок не пропали даром), извернулся, выправил положение и стал искать, куда бы приземлиться. Густой лес щетинился островерхими макушками елей, справа почерневшими от времени и непогоды срубами проглядывала деревня. От нее могла исходить угроза, Миклашевский передернул затвор автомата и налег на стропы, чтобы приземлиться в глубине леса.

Земля быстро приближалась. Он высмотрел поляну и направил парашют в ту сторону, но промахнулся. Мохнатые ветки стегали по лицу, лямки врезались в подмышки, и он повис на стропе. Выпутаться из этого капкана ему помог нож. Увлекая за собой груды снега, Миклашевский рухнул в сугроб. Лес откликнулся утробным вздохом. Сбросив с плеч рюкзак, он отвязал притороченные к нему снегоступы, стал на них и двинулся в сторону, где, по расчетам, приземлилась основная группа. Первым на пути встретился заместитель командира группы лейтенант Леонард Дырман, вместе они направились к месту общего сбора. Перед рассветом группа собралась в полном составе и занялась поиском сброшенного с

самолета груза: тюков с боеприпасами и взрывчаткой, продовольствием и комплектующими для оборудования зимнего лагеря. Из восьми мест груза удалось найти семь. Командир РДР старший лейтенант Арнольд Лаубэ не стал тратить время на поиски оставшегося тюка, распорядился загрузить все на походные сани и дал команду на марш.

Погода благоприятствовала разведчикам-боевикам. Ветер крепчал, поземка шипящими языками змеилась между деревьями. Вскоре поднялась метель. Она заметала их следы и надежно укрывала от воздушной разведки гитлеровцев. С короткими остановками на привал они шли весь день и к вечеру вышли к деревне Зачерня. В ее окрестностях в глубине леса предполагалось разбить базовый лагерь и в дальнейшем с него проникнуть в Смоленск, выйти на подпольщиков и подготовить основную и резервную явочные квартиры для Ударова. О последней части задания в резидентуре знали только три человека: Лаубэ, Дырман и сам Миклашевский.

Прежде чем выйти на место будущего лагеря, Лаубэ решил провести разведку местности. В Зачерню отправился Дырман, а с ним два разведчика. Короткими перебежками, избегая открытых пространств, они подобрались к околице деревни, залегли и стали наблюдать. Нахохлившись под снежными шапками избы потерянно смотрели безжизненными бойницами-оконцами на залитые призрачным лунным светом развалины мельницы, колхозной конторы и утопавшие в сугробах улицы. Ни один звук, ни одно движение не нарушали мрачного покоя. Молчали даже собаки. Жизнь, казалось, ушла из деревни.

Прячась за плетнем, Дырман и разведчики подобрались к крайней избе, притаились за колодцем и прислушались. За стенкой сарая тяжело ворочался скот, в избе тоже подавали признаки жизни, за заиндеветыми от мороза окнами мигнул и исчез тусклый огонек. Дырман передернул затвор немецкого автомата и, проскользнув к крыльцу, постучал в дверь. После томительной паузы в сенцах гроыхнуло пустое ведро, и испуганный старческий голос спросил:

– Кто цэ?

– Из городской управы! Машина у нас в кювет слетела! Давай лопаты! – на ходу импровизировал Дырман.

– Щас! Щас, господин начальник! Трохи погодьте! Погодьте! – умолял старик.

Его дрожащие руки никак не могли нащупать щеколды.

– Че так долго возишь? Партизан прячешь?! – рыкнул Дырман.

– Та боже упаси! Яки партизаны?

– В доме есть посторонние?

– Не, никого нема. Я, старуха, невестка та диты, – лепетал старик.

Наконец он нашел щеколду. Гроыхнул засов, и дверь приоткрылась. Дырман, оттеснив в сторону трясущегося от страха хозяина, шагнул в горницу. Вслед за ним в избу вошли бойцы. В тусклом свете лучины на них испуганно смотрели старуха, средних лет женщина и двое закутанных в мужские рубашки ребятишек. Сердце Дырмана защемило, но ему и разведчикам пришлось и дальше играть роли фашистских прихвостней, чтобы не вызвать подозрений. Отогревшись, съев скудный ужин и расспросив хозяев об обстановке в деревне, они, прихватив с собой лопату, покинули избу и вернулись в группу.

Доклад Дырмана поднял настроение Лаубэ и его подчиненным – высадка десанта для гитлеровцев осталась незамеченной. В ближайшей округе крупных воинских подразделений не находилось. Отдельные вооруженные команды, если и появлялись в Зачерне, то редко, а полиция вовсе не совали в нее нос. Единственный представитель оккупационной власти – староста, так тот боялся собственной тени. Все, вместе взятое, убедило Лаубэ в том, что операционную базу РДР, как и планировалось, следует разбить в окрестностях Зачерни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.